

ГУСТАВ-АДОЛЬФ И ПОДГОТОВКА СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ

Проф. Б. Поршнев

В истории Тридцатилетней войны так называемый шведский период (1630—1635) привлекал к себе, пожалуй, больше всего внимания, и всё же именно он остаётся в некоторых отношениях самым загадочным для историков. Многие важнейшие моменты в поведении шведской армии в Германии не объяснены до конца современной наукой. Почему шведский десант в Германию совершился не после заключения шведско-французского союзного договора, а более чем за полгода до него, когда Швеция была ещё одинока? Почему Густав-Адольф, заняв померанский плацдарм летом 1630 г., целый год не двигался в глубь Германии? Имеется немало указаний на остановившие его причины, но нет удовлетворительного объяснения, почему все они вдруг и разом потеряли свою силу летом 1631 года. Чем, далее, объясняется в конце концов знаменитый «зигзаг молнии»: стремительное и загадочное возвращение Густава-Адольфа с армией в октябре 1632 г. из Юго-Западной Германии, куда он ворвался как триумфатор и победитель, в Северо-Восточную Германию? И, наконец, каковы причины резкого изменения соотношения военных сил в Германии к осени 1634 г., приведшего к поражению шведов у Нёрдлингена, к последующей утере ими большей части завоеваний, а вместе с тем и своих союзников-князей, словом, каковы причины того неожиданного фиаско шведской интервенции в 1634—1635 гг., которое неминуемо должно было бы завершиться полным торжеством императора и католической реакции, если бы Франция не спасла положения, вступив сама в 1635 г. в Тридцатилетнюю войну?

Первый из этих тёмных вопросов — о причинах выступления Швеции в тот момент, когда, по видимости, она находилась в изоляции. — отчасти уже освещён в двух наших ранее опубликованных очерках¹. Мы выяснили, что Московское государство предоставило Швеции в 1629—1630 гг. крупную субсидию на войну с Империей и одновременно гарантировало ей со своей стороны вступление в войну с Польшей, без чего вторжение Густава-Адольфа в Германию было бы совершенно невысказано. Теперь мы попытаемся показать, что и другие загадки шведского периода Тридцатилетней войны получают удовлетворительное объяснение, если принять во внимание положение дел в Восточной Европе, и прежде всего историю русско-польской борьбы в эти годы.

Законность такой постановки вопроса станет очевидна, если учесть, что вся история Тридцатилетней войны в стратегическом отношении покоится на одном принципе: тот, у кого оказывался второй противник где-нибудь в тылу, на противоположной или отдалённой границе, был почти обречён. Вести одновременно две войны — это прежде всего зна-

¹ Поршнев Б. «Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну», «Исторический журнал» № 3 за 1945 г.; его же «Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны», «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии, № 5 за 1945 год.

чило вести каждую из них вполсилы, ибо наёмные армии того времени, на наш современный взгляд, крайне малочисленные, стоили так дорого, что требовали напряжения всей финансовой мощи государства. А при ведении войны вполсилы численное превосходство в решающую минуту могло оказаться у армии противника — то численное превосходство, которое в эпоху Тридцатилетней войны, войны профессионалов-наёмников, было главным фактором победы. Но специфика Тридцатилетней войны состояла, собственно, и не в том, что два фронта были опасны — они были опасны во всей истории войн, — а в том, что сравнительно легко было добиться открытия второго театра военных действий. Именно из-за малочисленности, довольно несложного вооружения, интернационального состава наёмных армий нетрудно было субсидиями и дипломатией вызвать появление второго театра в тылу у своего врага.

Понятно, что мудрость политиков и дипломатов любого государства во время этой первой всевропейской войны состояла в заключении военных союзов с соседями своих соседей. Европа оказалась подобной шахматному полю: угрозу стратегических тисков любое государство парировало созданием такой же угрозы каждому из своих соседей. Габсбургская Испания и габсбургская Священная Римская Империя (Германия) представляли собой смертельные тиски для Франции. Но сама Испания оказалась зажатой в тиски между Францией с суши и Голландией — с моря, а также со стороны Нидерландов (не говоря о последующем отпадении Португалии), а Империя — в тиски между Францией и Швецией. Швеция, в свою очередь, была тоже в тисках. Альтмаркское перемирие 1629 г. отнюдь не было миром с Польшей и не устранило острой вражды между Густавом-Адольфом и Сигизмундом III. Но Польша опять-таки была в тисках между Швецией и Московским государством.

Не будем пока продолжать дальше эту цепь. Здесь важно подчеркнуть её единство — все её звенья крепко скованы. В 1630—1634 гг. ни одно из названных государств не ведёт на самом деле войну на два фронта: хотя бы один из противников отвлечён кем-то другим, а у Франции отвлечены до поры до времени даже оба противника, и она ведёт лишь «скрытую» войну. Но понятно, что стоит измениться хотя бы одному звену, как вся система перестроится: если, например, Московское государство (или кто-нибудь другой) не будет отвлекать на себя военные силы Польши, то последняя окажется реальной угрозой для Швеции, та принуждена будет обернуться лицом к Польше, силы Империи в таком случае освободятся для войны с Францией, а если французские войска будут заняты войной с Империей, это даст возможность и Испании начать военные действия против Франции, хотя бы той частью своих войск, которая не скована голландской угрозой. Словом, Европа должна будет приобрести примерно тот вид, какой она и в самом деле получила после 1635 г., т. е. в франко-шведский период Тридцатилетней войны.

Разумеется, мало кто из современников мог ясно охватить в сознании всю эту сложную систему государств. Но европейское общественное мнение всё же тесно связывало ход событий в Германии с ходом русско-польской борьбы. Даже люди, не очень искушённые в политике, не могли не спрашивать: почему в смертельном поединке германского императора со шведским королём, сотрясавшем всю Германию, на помощь изнемогающему императору не приходит его давний верный союзник, польский король, — и получали ответ, что польский король не может придти на помощь, так как сам находится под угрозой войны (а затем — в войне) с московским царём. Уже в 1629 г. с разных концов Европы и в Польшу и в Московское государство потянулись с предложением своих услуг предводители ландскнехтских полков, предприимчивые кондотьеры, привлекаемые слухами о скором истечении срока перемирия и неизбежной

войне между Польшей и Московией². В 1632—1634 гг. в Германии навряд ли можно было найти взрослого человека, который вовсе не слышал бы об этой войне. Именно в 30-х годах XVII в. купцы и всякого рода путешественники, побуждаемые повышенным интересом в Европе к Московскому государству, особенно охотно проникали в него, а издатели удовлетворяли рыночный спрос публикацией первых серьёзных, стоящих на уровне тогдашней науки, книг о России³. В европейской, в частности в германской, прессе, которая была тогда довольно обильна, падка на слухи и сенсации, подчас грубо полемична⁴, — как в собственно газетах, так и в бесчисленных листовках, памфлетах, книжках — в течение всей Тридцатилетней войны и особенно в 30-х годах не редкость было встретить упоминания о Московском государстве. Ещё больше было написано о Польше. В преддверии историографии шведского периода Тридцатилетней войны у авторов-современников, писавших первые обозрения шведского похода в Германию, например, у Буржа⁵, Абелина⁶ и др., чем-то само собой разумеющимся было упоминание и о тыльной стороне этого похода: о позиции Польши, о польских заботах Густава-Адольфа и его преемников. Гакже и два первых учёных-эрудита, посвятивших в XVII в. по толстому фолланту истории шведской войны в Германии Хемниц⁷

² См., например, переписку по этому вопросу московского правительства с новгородским воеводой кн. Д. М. Пожарским за 1629 год. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Дела шведские. 1629, стб. 1, л. 264, 397, 410, 439. Один из этих кондотьеров, Фритт, служивший у шведского короля, потом у датского короля против императора, затем у императора—против датского короля, предлагая царю доставить любое количество наемных солдат и офицеров всех рангов, писал: «Мы (т. е. он и четыре других рыцаря, явившихся с ним) знаем подлинно, что мирное постановление между его кесарским величеством и короной польской скоро уж кончится и поэтому его кесарскому величеству кесарские (т. е. из Германской империи) солдаты надобны будут, потому, что уж ныне у польского короля несколько тысяч таких солдат стоят наготове» (л. 411). Дела многих десятков таких кондотьеров, предлагавших в 1629—1634 гг. свою службу Москве, сведены у Е. Сташевского «Смоленская война 1632—1634 гг. Организация и состояние московской армии», стр. 19—38, 69—71 и др. 1919.

³ Например, в 1630 г. в Лейпциге вышла книга (эльзевир) «*Russia seu Moscovia. Commentario topographico atque politico illustratae*» Lugd. Batavorum,— томик (вторая половина которого посвящена Крымскому ханству), представляющий собой обстоятельную сводку географических, исторических и политических знаний о России.

⁴ См. Beller E. A. «*Propaganda in Germany during the Thirty years War*». Princeton. 1940; «*Die deutsche Zeitung im ersten Jahrhundert ihres Bestehens (1609—1700)*», Bd. III. Schöne W. «*Die deutsche Zeitung des siebzehnten Jahrhundert in Abbildungen*». Leipzig. 1940.

⁵ Burgi P. B. genevensis «*De bello suecico commentarii, quibus Gustavi Adolphi, suecorum regis, in Germaniam expeditio, usque ad ipsius mortem comprehenditur*». Leodii. 1633. См. стр. 10, 12—14, 86, 134, 137. То же переведено в 1643 г. (editio nova; эльзевир). Франц. перевод Burgi P. B., genevois «*Commentaires des guerres de Suede qui contiennent tout ce qui s'est passe de plus remarquable depuis la descente de Gustave Adolphe, roy de Suede en Allemagne, jusques a sa mort, traduit par la sieur de Mauvoisy*». Paris. 1653.

⁶ Arlanibaeo Ph. (J. Ph. Abelin) «*Arma suecica, hoc est, vera et accurata descriptio belli quod Gustavus Adolphus, suecorum, gothorum, et vandalarum, etc., rex, contra Ferdinandi II romanorum imperatoris, etc., exercitum in Germania haecenus gessit, qua eius caussae, initia et progressus hucusque comemorantur*». 1631; см. стр. 3—4, 9—10, 15, 16, 51—52, 162—163 и др. Продолжение: «*Armorum suecicorum continuatio, in qua breviter describuntur omnia ea, quae a serenissimo et potentissimo rege Sueciae Gustavo Adolpho, et aliis principibus protestantibus confoederatis, post pugnam Lipsensem, in Imperio Romano memoratu digna gesta sunt*». Francofurti. 1632 (см. стр. 17 и др.). Продолжение: «*Armorum Suecicorum continuatio ultima, 1634*». Позже Абелин включил весь этот материал во II том грандиозной истории Европы в XVII в. «*Theatrum Europaeum*», охватывающий 1629—1633 гг. (Frankfurt a/M, 2-е изд. 1679 г., о шведско-польских отношениях см. стр. 81—86, 108—110, 571—583, 733—735). Годы 1634—1635 см. в томе III «*Theatrum Europaeum*» (1644). Об этих первых историях шведского периода Тридцатилетней войны см. Droysen G. «*Arlanibaeus, Godofredus, Abelinus sive Scriptorum de Gustavi Adolphi expeditione princeps*». Berolini. 1864.

⁷ Chemnitz B. J. von «*Königlichen schwedischen in Deutschland gefürten Kriegs. Teil I—II (1630—1636)*». Stettin. 1648.

и Пфундорф⁸, — немало страниц уделили шведско-польским, а в этой связи также шведско-русским и даже шведско-крымским отношениям, хотя, разумеется, не дали — да и не искали — объяснения подлинной взаимосвязи событий.

Но в более поздней историографии вся эта восточная сторона шведского периода Тридцатилетней войны как-то незаметно исчезла. Этому способствовали как немецкие историки, искажившие историю Тридцатилетней войны националистическими легендами и оторвавшие её от всемирноисторического фона, так и поддавшиеся их влиянию шведские историки. В частности, выпущенная в Швеции в середине XIX в. двухтомная публикация документов по истории немецкой войны Густава-Адольфа⁹, легшая в основу соответствующих разделов в капитальных биографиях Густава-Адольфа — Дройзена¹⁰, Кронхольма¹¹, позже Флетчера¹² и др., совершенно односторонне привлекла внимание историков в сторону внутригерманской обстановки шведского похода. Восточноевропейская ситуация, в действительности оказывавшая важное влияние на всю судьбу этого похода, обойдена почти полным молчанием также и в общих сочинениях по истории Тридцатилетней войны, написанных как в XIX в., например у Гиндели, Шарвериа, Гардинера, Винтера, Клоппа, Риттера¹³, так и в XX в., кончая новейшей сводной американской работой Веджвуд¹⁴.

Эта однобокость всей новейшей историографии шведского периода Тридцатилетней войны была отчасти восполнена появлением в 1901 г. специальной монографии шведского историка Карла Вейле «Политика Швеции в отношении Польши в 1630—1635 гг.»¹⁵. Вейле тщательно исследовал материалы шведского государственного архива, а именно отделы: Polonica, Muscovitica, Turcica, переписка канцлера Оксеншерны. Выводы Вейле во многом спорны и недостаточны, но всё же следует пожалеть, что этот основательный труд мало повлиял на позднейших авторов, в том числе даже на шведских; лучше всего он, пожалуй, известен польским историкам¹⁶. Впрочем, в недавно вышедшей грандиозной восьмитомной коллективной работе о войнах Густава-Адольфа, изданной шведским генеральным штабом и являющейся образцовой сводкой всего, что известно науке об этих войнах¹⁷, международная обстановка начала германского

⁸ Puffendorffi Samuelis «Commentariorum de rebus suecicis, libri XXVI ab expeditione Gustavi Adolphi Regis in Germaniam ad abdicationem usque Christinae». 1686 (ниже цит. по изданию 1705 г.).

⁹ «Arkiv till upplysning om svenska krigens och krigsinzättningarnes historia. Tidskriftet 1630—1632». Bd. I—II, Stockholm, 1854—1860.

¹⁰ Droysen G. «Gustav Adolf». Bd. II. 1870.

¹¹ Cronholm A. «Sveriges historia under Gustav II Adolfs regering». Bd. V; нем. перевод: «Gustaf II Adolf in Deutschland» (1875).

¹² C. R. L. Fletcher M. A. «Gustavus Adolphus and the struggle of protestantism for existense». 1891.

¹³ Gindely «Das Dreissigjährige Krieg» (1869—1880); Charvériat «Histoire de la guerre de Trente ans», 1875; Gardiner «The Thirty year's War». 1884; Winter «Geschichte des 30-jähriges Krieges». 1893, нов. изд. 1934; Klopp «Der 30-jährige Krieg bis zum Tode Gustav Adolf». 1891—1895; Ritter «Geschichte des Gegenreformation und des 30-jährigen Krieges». 1901

¹⁴ Wedgwood C. V. «The Thirty years War». 1939.

¹⁵ Weile Carl «Sveriges politik mot Polen 1630—1635». Uppsala. 1901. Важным дополнением к исследованию Вейле является небольшая, но целиком основанная на архивных документах работа Rettig H. «Die Stellung der Regierung und des Reichstages Svedens zur polnischen Frage. April 1634 bis November 1635». 1916.

¹⁶ См., например, Czaplinski Wl. «Władysław IV wobec wojny 30-letniej». Krakow. 1937. (Polska Akademia Umiejetności. Rozprawy wydziału historyczno-filozoficznego. Seria II, t. XLV, N 3). Польские историки с своей стороны в некоторой мере осветили историю польско-шведских отношений в 30-х годах XVII в.; см., например, Czela-gowski A. «Układy królewicza Władysława i dyssydentów z Gustawem Adolfem w r. 1632». «Kwartalnik historyczny». 1899. IV; Krajewski «Władysław IV a korona szwedzka (Bibl. Warsz. 1913. III); Godziszewski Wl. Polska a Moskwa za Władysława IV. Krakow. 1930.

¹⁷ Generalstaben «Sveriges krig 1611—1632». Bd. I—VI. Bilagsband I—II. Stockholm. 1936—1939.

похода Густава-Адольфа излагается в специальной главе, 4-й, тома V в таком порядке: сначала отношения Швеции с германскими государствами, затем довольно подробно — с Польшей, Россией, Трансильванией и, наконец, с Францией, Голландией, Данией, Англией. Отношения Швеции с Польшей и Россией изложены в основном по Вейле. Однако русско-шведские отношения этих лет были освещены Вейле и его последователями лишь отчасти, воссоздание же восточноевропейской международной ситуации времён шведского периода Тридцатилетней войны останется, на наш взгляд, до тех пор незавершённым, пока именно русско-шведские отношения не будут взяты в центр внимания и пока наряду с шведскими и польскими архивами не будут привлечены русские, прежде всего дела «шведского двора» Посольского приказа¹⁸. Именно эти документы, т. е. неопубликованные столбцы шведских и иных дел Посольского приказа, попущены нами в основу дальнейшего изложения.

Не пристрастны ли мы, придавая такое большое значение именно России? Ответ на этот вопрос зависит прежде всего от того, как оценить значение Польши и польской проблемы в политике Густава-Адольфа. Была ли Польша опасным и важным врагом в его глазах, когда он двинулся в Германию? Ответ может быть только один: да. Напомним, что борьба с Польшей составляла основное содержание всего предшествовавшего периода царствования Густава-Адольфа и тянулась с переменным успехом многие годы. До 1628 г. включительно Густав-Адольф был ещё убеждён в слабости Польши и в возможности, разбив её, превратить её в плацдарм для войны с Империей. Но именно военная помощь императора Польше привела в 1629 г. к коренному изменению плана: по словам историка Борнгаупта, «из войны против Польши должна была развиться война против императора»¹⁹. Густав-Адольф убедился, что победа над Польшей не могла быть достигнута раньше победы над Империей. Поэтому он заключил в 1629 г. весьма неудовлетворительное, с его точки зрения, Альтмаркское перемирие с Польшей и в 1630 г. занял другой, не польский, как думал раньше, а померанский плацдарм для германской войны. После многолетней борьбы Польша осталась неразбитой. Мог ли Густав-Адольф не бояться её теперь, когда он отдался другой войне? По справедливым словам авторов упомянутого выше новейшего капитального труда о войнах Густава-Адольфа, «так как силы Швеции были связаны в Германии, её внешняя политика должна была

¹⁸ В книге Г. Форстена «Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях» т. II (1894) русско-шведские отношения освещены на основании материалов только стокгольмского архива, без использования московского архива Посольского приказа. В публикации К. Якубова «Россия и Швеция в первой половине XVII века» (1897) использованы и стокгольмский и московский архивы, но название этой книги вводит читателя в заблуждение: собственно дипломатических и политических отношений России и Швеции она почти не касается, а освещает преимущественно вопрос о населении пограничных территорий и некоторые другие специальные темы. Работа Н. В. Голицына «К истории русско-шведских отношений и населения пограничных со Швецией областей в 1634—1648 гг.» (1903) представляет собой публикацию нескольких второстепенных документов из лифляндского архива. Наконец, в приложении к книге Е. Сташевского «Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича» ч. 1-я (1913) опубликовано несколько действительно важных дипломатических документов, но принцип их отбора непонятен и какие-либо пояснения к ним отсутствуют. В предисловии к другой своей книге, «Смоленская война 1632—1634 гг. Организация и состояние московской армии» (1919), Е. Сташевский сообщает, что причинам и дипломатической подготовке Смоленской войны он посвятил особый выпуск своего исследования, однако этот выпуск так и не появился в печати. Некоторые документы из фонда шведских дел Посольского приказа за 20—30-е годы XVII в. были опубликованы в «Собрании государственных грамот и договоров» и в других археографических изданиях, но их относительное число столь невелико, что в общем можно считать этот обширный и богатейший архивный фонд почти неопубликованным и мало утилизированным исследователями.

¹⁹ Bornhaupt Chr. von *Gustav Adolf vor seinem Auftreten in Deutschland* «Vellhagen Monatshefte». Bd. II, S. 71—73. 1894—1895.

определяться необходимостью обезвредить на востоке Польшу»²⁰. Если это положение правильно, остаётся только решить, занимали ли шведско-русские сношения центральное место в осуществлении данной внешне-политической программы.

На первый взгляд кажется, что это не совсем так. Современный шведский историк Нильс Анлунд, автор новейшей биографии Густава-Адольфа, справедливо указывая, что для Густава-Адольфа «главным врагом» всегда оставался Сигизмунд III, что поэтому он, видя в России «веский политический фактор», старался побудить русского царя к совместному наступлению на Польшу, что именно из-за ориентации московской политики на разрыв с Польшей русско-шведские отношения «становились всё более дружественными и в конце концов достигли заметной теплоты», — тем не менее находит нужным оговориться: «Однако эти планы занимали в энергичной, решительной политике Густава-Адольфа относительно незначительное место, — они несколько напоминают его прощупывание возможности совместных действий с татарами и турками в том же направлении, ибо и с ними он также нередко был связан»²¹. Вейле держится той же точки зрения. Он ставит в один ряд все планы Густава-Адольфа, как предохранить себя от польской опасности на время войны с германским императором: и его тайные антипольские переговоры 1628—1630 гг. с государем Трансильвании Бетленом Габором через специального посла Пауля Страссбурга и различных гонцов; и его интриги в 1630 г. в Константинополе через того же Страссбурга, голландского посла Корнелия Хага и других лиц с целью устрашения Польши шведско-турецким союзом; и его обмен посольствами с крымским ханом в 1629—1632 гг. с намерением направить крымских татар или против германского императора или против польского короля; и его попытки в 1630—1631 гг. оторвать запорожских казаков от Речи Посполитой, поднять их на польского короля-католика; и, наконец, его оживлённые антипольские сношения с Россией²². К этим планам создания внешней угрозы Польше Вейле присовокупляет, с другой стороны, также проект Густава-Адольфа парализовать способность Польши к внешней активности путём разжигания в ней внутренней религиозно-политической борьбы. Но можно ли в самом деле считать все эти планы равноценными? Нет, потому что осуществился только один из них — русско-польская война. Всё прочее осталось только «прощупыванием». Трансильвания не выступила против Польши; Турция, поглощённая борьбой с Ираном, совершенно не смогла грозить Польше, даже заключила с ней мир в 1631 г. и только в 1633—1634 гг. произвела незначительные диверсии; крымские татары так и не напали ни на императора, ни на Польшу, наоборот, выступили в союзе с Польшей против России; запорожские казаки не реагировали на шведские призывы; религиозно-политическая борьба в Польше не только не разгорелась, а, напротив, совсем затихла к моменту избрания Владислава IV. Поэтому, если мы хотим изучать не неудавшиеся замыслы, а исторические реальности, не субъективные планы государственных деятелей, а объективные отношения между народами, — мы должны на первый план выдвинуть именно значение русско-польской Смоленской войны 1632—1634 гг. для истории шведского похода на Германию.

Когда Густав-Адольф весной 1630 г. принял, наконец, решение начать вторжение в Германию, он уже знал о смерти своего шурина Бетлена Габора в Трансильвании и тем самым о крушении всего дипломатического здания, с таким трудом и искусством возведённого там Паулем

²⁰ «Sveriges krig 1611—1632». Bd. V, s. 227. 1938.

²¹ Nils Ahnlund «Gustav Adolf», S. 315—316. 1938.

²² Wejle. Op. cit., s. 8—14

Страсбургом²³; в Константинополе ему было обеспечено при дворе султана Мурада IV содействие великого визиря, а также константинопольского патриарха Кирилла, однако прямых обещаний военного выступления Турции против Польши он не имел; посол от крымского хана Халбердей, прибывший через Москву в Стокгольм в октябре 1629 г., хотя и привёз согласие хана на договор о взаимной помощи против германского императора и польского короля, также ничего определённого не обещал²⁴.

Но, что Густав-Адольф имел весной 1630 г. — это официальное подтверждение обещания царя Михаила Фёдоровича вскоре начать войну с Польшей²⁵. Это известие в начале апреля привёз в Стокгольм из Москвы шведский посол Антон Моннер; его инструкция предписывала ему говорить перед царём о совместном нападении на католиков: России — на Польшу, Швеции — на императора, — в противном случае или император поможет полякам или поляки «тайным образом» помогут императору, так что Швеция и Россия волею-неволею нуждаются друг в друге; Моннер получил, по словам Вейле, «ответ, совершенно совпадающий со взглядами Густава-Адольфа»²⁶. В серьёзности решения Москвы воевать с Польшей Густав-Адольф удостоверился, повидимому, не только дипломатическими каналами. Ещё в конце 1629 г. он отправил в Россию одного из своих военных помощников, полковника Александра Лесли, с военно-информационной миссией²⁷. Прибыв в Москву 22 января 1630 г. на две недели

²³ Донесения Страсбурга и другого тайного шведского уполномоченного, Фаренсбах, по подлинникам стокгольмского архива, опубликованы как приложение к книге венгерского историка Szilágyi Sándor «Bethlen Gabor és a sved diplomacia», s. 53—75. Budapest, 1882; ср. Wibling Carl «Sveriges förhållande till Siebenbürgen 1623—1648». Lund, 1890, kap. I, «Gustav II Adolf och Bethlen Gabor», s. 1—37. Ср. общее, полученное в 1629 г. в Москве, в Посольском приказе: «Шведский король посылал шляхтича Фаренсбаху сквозь голландскую и французскую землю в угорскую (венгерскую) землю к Бетлену Габору, для того чтобы Бетлен Габор Польшу воевал» (ЦГАДА. Дела шведские. 1623, стб. 2, л. 72). После смерти Бетлена Габора все эти планы, связанные с Трансильванией, отошли на задний план, зато, говорят авторы «Sveriges krig», «самая опасная угроза окружения Польши пришла из России», и именно Россия отныне заняла первое место в антипольских проектах Густава-Адольфа («Sveriges krig 1611—1632», bd. V, s. 223).

²⁴ ЦГАДА. Дела шведские. 1629, стб. 4 (проезд крымского посольства в Швецию); 1630, стб. 4 (проезд посольства из Швеции через Москву в мае).

²⁵ Обещание было дано ещё весной 1629 г. (см. «Исторический журнал» № 3 за 1945 г., стр. 18), но в феврале 1630 г. в Москве посол Моннер говорил, что Густав-Адольф до настоящего момента «не мог сведать», действительно ли царь «себе в мысли взял» необходимость этой войны, в то время как польский король уже готовится. Ответ гласил, что «в мысль себе то царское величество взял крепко» и готовится («примышляет») немедля отомстить «польскому королю и всей Посполитной Речи» их обиды и разрушить их злой план, не дожидаясь истечения срока Деулинского перемирия, поскольку «на чем угодно перемирие, того всего польский король веле не сдержал» (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 2, лл. 129, 203, 174—175, 243—244).

²⁶ Weyle. Op. cit., s. 8. В самом деле, Моннер перед боярами утверждал, например, что если государь (Михаил Фёдорович) войны с польским королём не начнёт, то государю ищему (Густаву-Адольфу) против цесаря стоять будет тяжело, потому что цесарю помогает испанский король, папа римский и король польский, а боярский ответ, в свою очередь, рекомендовал шведскому королю «выразуметь и взять себе в мысль крепко, что если польский король не будет принуждён воевать с царём, то иначе «того ему нельзя учинить, что б он от цесаря отстал или цесарю не помогал всяким вспоможеньем» (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 2, лл. 204, 244).

²⁷ Миссия Лесли была подготовлена переводом из шведской армии в русскую ряда офицеров в 1629 г.; русское правительство само не принимало их, если они не имели приказаний от шведского правительства. Среди них в июне приехал племянник Лесли — Яков Виммес, сообщивший, что дядя его скоро прибудет, как только вернётся из посольства в Англию (ЦГАДА. Дела шведские. 1629, стб. 1, л. 266, 397 и др.). Всё это дело началось с того, что Лесли вручил в Стокгольме русскому купцу Глазкову письмо на имя Михаила Фёдоровича с просьбой выхлопотать ему у Густава-Адольфа отпуск на русскую службу; царская грамота Густаву-Адольфу была послана, и только тогда последний снабдил Лесли лестными рекомендательными письмами и отправил в Россию. Полковник Лесли прибыл в сопровождении (кроме шести слуг) целого штаба: двух капитанов, трёх поручиков, прапорщика, писаря и «пушечного мастера», т. е. артиллериста-инженера Юлия

раньше посла Моньера), Лесли поступил на службу к царю, ознакомился с состоянием русской армии и военными планами, выёс первые предложения о реорганизации русских полков по шведскому образцу²⁸ и, как можно предполагать, уже в марте вернулся на время к Густаву-Адольфу.

Так или иначе, в марте — начале апреля 1630 г. Густав-Адольф знал что Москва будет воевать с Польшей. Это сразу прояснило его политические горизонты. Заключая Альтмаркское перемирие с Польшей в сентябре 1629 г., когда он не был ещё вполне уверен в позиции России, он сам согласился на включение в договор особого параграфа 20, предусматривавшего начало мирных переговоров между Швецией и Польшей во время перемирия при посредничестве бранденбургского курфюрста иначе говоря, он допускал мысль, что для того, чтобы воевать с императором в Германии, ему, может быть, придётся согласиться на любой мир с Сигизмундом III, даже признав права последнего на шведскую корону или вернув ему оккупированные шведами Лифляндию и Пруссию. Мирные переговоры вот-вот уже должны были начаться в Дании. Но 8 апреля Густав-Адольф вдруг пишет записку канцлеру Оксеншерне, что не видит никакой надобности в переговорах с Польшей, даже если бы польский король отказался от претензий на шведский престол. С этого времени он считал мысль о мире с Польшей вредной; война с императором была решена, и одновременно было дано указание оставить § 20 мёртвой буквой²⁹. Ведь Польша, скованная Москвой, не сможет ударить в тыл шведам. Да и Москва, хотя и имеющая мирный договор со Швецией, на всякий случай будет связана этой польской войной³⁰.

Густав-Адольф был настолько уверен в русско-польской войне, что вскоре после отъезда крымского посольства из Швеции, в мае, направил в Крымское ханство своего посла, Вениамина Барона, с характерным заданием: добиваться уже не выступления татар против Польши (раз этот противник парализован), а диверсии через Венгрию против императора³¹.

Перед отплытием Густав-Адольф послал также в Москву своего доверенного человека — Иоганна Мёллера. Ему было поручено передать

Коза, энергично принявшегося за организацию пушечного производства в России. Царь принял Лесли тотчас по его прибытии в Москву и щедро одарил. См. Цветаев Д. «Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразований», стр. 372. 1889—1890; Сташевский Е. «Смоленская война», стр. 70.

²⁸ В июне — июле 1630 г. уже шёл набор в первые два русских полка иноземного строя, отданные в обучение сподвижникам Лесли. См. Сташевский Е. Указ. соч., стр. 63—64.

²⁹ Wejle. Op. cit., s. 7. Оксеншерне, по-своему комментируя эти указания в меморандуме от 30 апреля 1630 г., так формулирует новые задачи шведской политики в отношении Польши: вместо заключения мира — сближение с польскими протестантами и создание «factiones» в Польше в интересах Швеции. «Handlingar rörande Skandinaviens historia», t. 24, s. 196—197. Stockholm. 1840.

³⁰ «Прежде чем уехать в Германию, Густав-Адольф предписал остающимся дома, чтобы они стремление к дружбе с соседом на востоке (Москвой) сочетали с бдительностью, простирающейся даже до известной военной готовности» («Sveriges krig 1611 — 1632», bd. V, s. 229).

³¹ Вениамин Барон 11 февраля 1631 г. выехал из Москвы в Крым и только 14 февраля 1632 г. проехал обратно через Москву в Швецию в сопровождении нового крымского посла Муралея Улана, который должен был объяснить Густаву-Адольфу, что воевать с императором крымский хан не может, а когда у Швеции будет война с Польшей, охотно пошлёт своё войско на польского короля. На обратном пути в 1633 г. татарское посольство было арестовано Московским государством, находившимся уже в войне с Крымом, и только через несколько месяцев отпущено по ходатайству Швеции. См. ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 5; 1632, стб. 3; 1633, стб. 9 и 10. Не найдя Густава-Адольфа в Швеции, Муралея Улан с товарищами съездил в Германию. По данным стогольмского архива, они уже не застали его в живых и вернулись, не получив королевской аудиенции (Wejle. Op. cit., s. 10—11), но Хемниц (Op. cit. Th. I, S. 422—423) описывает приём этого посольства Густавом-Адольфом под Нюрнбергом 13 августа 1632 года. Пуфендорф сообщает о прибытии в Швецию в 1633 г. татарского посольства через Трансильванию (Op. cit., lib. V, § 109 «Legatio tartarica», p. 129), но, видимо, это ошибка.

дипломатическое послание царю и организовать вывоз русской субсидии, в виде хлеба, из Архангельска. Это был на самом деле крупный военный специалист: впоследствии, став постоянным шведским резидентом в Москве, он добился разрешения наблюдать за учениями русских солдат, открыто взял на себя функции военного инструктора по вопросам сапёрного вооружения и фортификации («как делал его королевское величество в немецких землях») и т. д.³² Но, прибыв в Новгород в начале июня 1630 г. в качестве простого дипломата, Мёллер потерпел неудачу. В царской грамоте к новгородскому воеводе было указано, чтобы пропустить его «с бережением» в Архангельск через Вологду только в том случае, если он приехал для хлебной закупки. В Москву же его вежливо отказались пустить под вымышленным предлогом «морозного поветрия» в Швеции. Мёллер поэтому из Новгорода отправил дипломатическое послание Густава-Адольфа обратно в Швецию, а сам поехал в Архангельск и только в октябре попал в Москву³³. Этот афронт объясняется тем, что в начале июня 1630 г. московское правительство ещё не имело ожидавшегося ответа от Турции о совместном выступлении против Польши. Пока коалиция не оформилась, Москва предпочитала не связывать себя дальнейшими обязательствами перед Швецией и хотела ограничиться «скрытой войной»³⁴. Однако благоприятный турецкий ответ прибыл в июне же; в октябре стали готовить «большое посольство» к Густаву-Адольфу. Поэтому, когда Мёллер приехал в Москву, он был окружён подчёркнутой заботой, и правительство с поразительным вниманием старалось удовлетворить все выдвинутые им пожелания и просьбы, даже частные³⁵.

Но шведское правительство и тем более Густав-Адольф в Германии узнали обо всём этом лишь в 1631 г., а пока что грамота Густава-Адольфа к Михаилу Фёдоровичу, без ответа возвращённая Мёллером из Новгорода, должна была породить у них серьёзную тревогу по поводу русских намерений. Вот почему Густав-Адольф, заняв Померанию как плацдарм, но видя, что Россия не выступает следом за ним и что Польша поэтому может грозить ему ударом в спину, не делал даже попыток двинуться дальше, в глубь Германии. Зато он предпринимал одну за другой энергичные меры для установления военного и дипломатического контакта с Москвой и побуждения её к войне.

Повидимому, в июле он снова отправил в Россию полковника Александра Лесли. Последний прибыл в Москву в августе или сентябре 1630 г. в сопровождении 62 лиц, часть которых принадлежала к его семье. Он обратился к царю и патриарху с пылкими доказательствами необходимости тотчас начинать войну с Польшей и одновременно с проектами уже не только реорганизации русской армии по шведскому образцу, а и найма целых иностранных полков. С этого времени Лесли становится главным реформатором и одним из основных руководителей русской армии в эпоху Смоленской войны. Не может быть никакого сомнения в том, что эту роль он выполнял по непосредственным указаниям Густава-Адольфа. Уже во время первого пребывания Лесли в Москве, в феврале 1630 года, посол

³² ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 8, л. 65, 70, 106.

³³ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 6, л. 2—4, 17—20, 51—63.

³⁴ Ещё в марте 1629 г., когда впервые шведским послам Монниеру и Бенгарту в Москве было обещано вступление России в войну с Польшей, в инструкции боярам первоначально говорилось, что в случае вопроса послов, пошлёт ли царь свою рать на польского короля уже в нынешнем году, следует отвечать, «что царское величество польскому королю больше до перемирных лет ожидать не будет и рать свою пошлёт, если успеет, и на нынешнем лете»; однако в окончательном тексте инструкции эта фраза была выпущена и заменена заверением, что в знак разрыва перемирного договора с Польшей царь прикажет, если польский король пришлёт послов, их не принимать и «отпустить без дела» (ЦГАДА. Дела шведские. 1629, стб. 2, л. 275, 319, 354). Следующий раз определённый срок начала военных действий был фиксирован в переговорах с Швецией только в начале 1631 года.

³⁵ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 6, л. 90—194.

Мониер официально от имени Густава-Адольфа предлагал присылать в Москву, кроме политической информации, военных командиров, амуницию и вооружение для русской армии, и это предложение было принято³⁶. Именно с 1630 г. среди иноземных «выходцев» в Россию основное место заняли офицеры («начальные» или «приказные люди»), причём офицеры — или прямо из шведской армии или преимущественно шотландцы, лично связанные с Лесли³⁷.

Собственно говоря, неправильно считать, что они реорганизовали русскую армию по шведскому образцу: сама шведская военная школа Густава-Адольфа была в огромной мере подражанием голландской военной школе, родившейся ещё в XVI в. в горниле нидерландской буржуазной революции. Лесли был одним из тех военных профессионалов, которые перенесли эту школу в Швецию, так же как позже в революционную Англию; можно сказать, что они были военными учителями и Густава-Адольфа и Кромвеля. Вместе с другими связанными с ним офицерами Лесли попытался перестроить и русскую армию по тому же нидерландскому образцу. В сентябре 1631 г. польский гетман Гонсевский получил шпионские сведения, что в Москве уже имеется несколько «регентов голландского образца»; во время осады Смоленска поляк Москоровский писал, что с московской армией «надо воевать по-нидерландски»³⁸.

Впрочем, военное искусство Густава-Адольфа было связано и с некоторыми чисто шведскими нововведениями. Это прежде всего — лёгкие пушки, чрезвычайно портативные, ранее неизвестные Европе. Они сильно способствовали его головокружительным успехам в Германии. И вот что крайне характерно: эту военную новинку Густав-Адольф передаёт Московскому государству ещё до своего выступления в Германию. Приехавший с Лесли в январе 1630 г. пушечный мастер Юлис Коэт знал именно секрет отливки лёгких пушек — вскоре по его заявке московское правительство уже выписывает в помощь ему «к новому пушечному делу» нужных мастеров (кузнеца, колесника, станочника, мастера по отливке ядер)³⁹. В июне 1631 г. Иоганн Мёллер в Москве передавал настоятельные советы Густава-Адольфа, что время для выступления против Польши сейчас самое лучшее и чтобы царь при этом обзавёлся «гораздо» пушками и прочим вооружением, «а пушки б были не тяжелы и не велики»⁴⁰. Но Густаву-Адольфу не терпелось, и в это время от него уже ехал к Михаилу Фёдоровичу другой гонец, поручение которого встретивший его в пуги Лесли изложил в письме: Густав-Адольф хочет сам послать царю «пушек, которые деланы легки по тому образцу, что господин Юлис Коэт на Москве слил»; Лесли объясняет военно-тактические преимущества лёгких пушек и просит царя решать этот вопрос, учитывая, что Густав-Адольф

³⁶ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 2, л. 138, 248—249.

³⁷ Сташевский Е. Указ. соч., стр. 35—36 и др. Мы не можем здесь углубиться в рассмотрение любопытной альтернативы, возникающей перед биографом Лесли: тот ли это знаменитый Александр Лесли, которого считают одним из крупнейших военных деятелей первой половины XVII в., т. е. видный полководец шведской армии во время Тридцатилетней войны, а в 40-х годах соперник Кромвеля в Англии в качестве главнокомандующего шотландской пресвитерианской армией, или же следует допустить гипотезу о существовании в армии Густава-Адольфа в одно и то же время в одном и том же полковничьем чине двух шотландцев с одинаковым именем — Александр Лесли, — о чём не подозревают шведские военные историки (см. именные указатели к восьми томам «Sveriges krig 1611—1632»). Разбор всех аргументов в пользу каждого предположения потребовал бы много места и увлёк бы нас далеко от нашей темы — в 40—50-е годы XVII века. Отметим лишь, что решение этой дилеммы, во всяком случае, требует критического пересмотра ряда документов и ряда утверждений как иностранных, так и русских авторов, писавших о Лесли, особенно Цветаева.

³⁸ Сташевский Е. Указ. соч., стр. 84, 174.

³⁹ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 10, л. 18, 48. В 1632 г. были основаны тульские и каширские оружейные заводы другим посланцем Густава-Адольфа — «приказником шведского короля» Виниусом (Елисеём Ульяновым), который был, как и Коэт, по национальности голландцем.

⁴⁰ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 8, л. 64.

уже «в нынешнюю войну с теми лёгкими пушками промысл (победу) учинил и с тем промышленением в дальнее место доехал, да и впредь ещё ходити чаем»⁴¹.

Московское правительство шло навстречу этим желаниям и советам Густава-Адольфа, отнюдь, однако, не теряя политической дистанции⁴². Оно широко предоставило командные посты в русской армии направляемым из шведской армии иностранным офицерам. Оно поручило вскоре своим послам Племянникову и Аристову закупить за границей большую партию мушкетов, карабинов, пистолетов, шпаг, шлемов и пр. именно тех образцов, которые на вооружении в шведской армии⁴³. Проект Лесли был принят почти дословно в том виде, как он его изложил: самому Лесли и было поручено ехать обратно за границу и нанять «как можно спешнее и лучше» на царскую службу три (в дальнейшем четыре) полка опытных ландскнехтов с должным штатом командиров на тех же условиях оплаты и службы, которые были приняты в остальной Европе⁴⁴. Лесли, выехавший в феврале 1631 г. вместе с русскими послами Племянниковым и Аристовым, получил, кроме денежной наличности для найма и закупок, также на 110 тыс. ефимков «граммоток» (векселей) к амстердамским коммерсантам от находившихся в Москве иноземных купцов⁴⁵. Очень характерно, что и в наказе, данном Лесли, и в царском послании к Густаву-Адольфу выражено желание московского правительства, чтобы оружие было закуплено по возможности непосредственно из шведской казны; а солдаты

⁴¹ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 10, л. 168—169; ср. 1631, стб. 2: приезд шведского гонца Иоганна фон Стенберга, которому пушечный мастер Коэт приходился зятем. Коэт, кроме передачи этого предложения о пушках, должен был осуществить своего рода ревизию деятельности Елисея Ульянова и Демуркина по закупке и отправке русского зерна «на шведского короля».

⁴² Ср., например, решительный отпор, данный в 1630 г. шведским попыткам дипломатического панибратства: выписка на основании прошлых договоров, что московские цари «братством (т. е. «братом») к шведскому королю никогда не писывали и не пишут» (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 11, л. 5).

⁴³ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 4. О доставке разнообразного закупленного оружия в декабре 1631 — январе 1633 г. см. в стб. 11 за 1631 год.

⁴⁴ Е. Сташевский ошибочно противопоставляет плану шотландца Лесли план голландца фон Дама, поданный 18 января и принятый в конце февраля 1631 г. (Указ. соч., стр. 74—81). Фон Дам был помощником и как бы заместителем Лесли; во время отсутствия последнего фон Дам вместе с тестем Лесли, Унзингом, писали из Москвы донесения Густаву-Адольфу (см. Форстен Г. «Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI—XVII вв.», вып. II, стр. 129. 1893). Они же принимали нанятых Лесли солдат и закупленное оружие.

⁴⁵ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 10; 1631, стб. 3; ср. Собрание государственных грамот и договоров. Т. 3, №№ 81—88; Е. Сташевский (Указ. соч., стр. 71—83, 88—108) подробно анализирует историю найма, состав, транспортировку в Москву, организацию этих иноземных полков. Они начали прибывать только с конца 1631 года. Необходимо отметить, что Сташевский развивает совершенно ошибочную концепцию, будто паём иностранных полков, задуманный Лесли, дал плохие результаты из-за отказа Густава-Адольфа (а также датского короля) разрешить вербовку войск в своих землях. Московское правительство, полагает Сташевский, зная о деморализованности и негодности немецких ландскнехтов, сознательно не указало в наказе Лесли Германию, а предписало ему, если не удастся нанять всех солдат в Швеции, ехать для вербовки дальше, в Данию, Голландию и Англию; между тем обстоятельства принудили его вопреки инструкции нанять основную часть ландскнехтов именно в немецких землях. На самом деле Лесли в своём проекте рекомендовал писать к Густаву-Адольфу, «что б он, для мужелюбства, в своём королевстве и в (тех) немецких землях, которые ныне за ним, озволил и величеству людей нанимать», и именно эта формула воспроизведена в царской грамоте к Густаву-Адольфу, посланной с Лесли: царь просит «для нашей царской службы и любви позволить в своём королевстве и в немецких землях, которые ныне за вами, ратных людей полковнику Александру Лесли нанимать» (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 9, л. 139; стб. 10, л. 2). Таким образом, вся концепция Сташевского построена на недоразумении. Густав-Адольф отнюдь не отказал Лесли, а, напротив, помог осуществить именно то, что он сам через Лесли и посоветовал московскому правительству: использовать для усиления московской армии те рынки ландскнехтских рук в Германии, которые оказались под властью Швеции.

наняты предпочтительно из числа тех «эхочих людей добрых», «которые ныне у его королевского величества служат по найму», и чтобы Густав-Адольф отпустил также «полковников, капитанов, поручиков и иных начальных людей, которые ныне служат в шведской армии, но захотят ехать служить в Московское государство»⁴⁶. Эту просьбу Густав-Адольф, разумеется, полностью не смог удовлетворить в ущерб своей армии, но важно, что даже мысль такого рода не возникла бы, если бы в Москве не были уверены, что Густав-Адольф видит в русско-польской войне часть собственной военной задачи.

Обеспечивая себе всеми этими средствами известное влияние в русской армии, Густав-Адольф тем не менее понимал, что всё же не от военных кругов, а от русского правительства будет зависеть, в конце концов, начало войны Московского государства с Польшей. Попржнему бездействуя поневоле на своём померанском плацдарме, он не переставал обдумывать то тот, то другой способ подтолкнуть медлительный ход событий на Востоке. Решение этой дипломатической проблемы было найдено им только в конце октября — начале ноября 1630 года. Вернее, решение привёз ему в эти дни один из самых своеобразных и интересных деятелей европейской дипломатии того времени — француз Яков Руссель⁴⁷, приехавший в качестве венгерского (собственно, трансильванского) посла через Константинополь, Москву, Швецию и привезший Густаву-Адольфу в Померанию письма от Бетлена Габора (уже умершего), турецкого султана, крымского хана и московского царя⁴⁸. Руссель, хотя, безусловно, не лишённый черт авантюриста, внушил Густаву-Адольфу, как и ряду других крупных деятелей, большое уважение своим умом и политическими идеями. Вместе они и разработали проект, по словам Нильса Анлунда, «поразивший весь мир»⁴⁹: заявить претензию Густава-Адольфа на польский престол, который вот-вот должен был освободиться ввиду дряхлости Сигизмунда III.

Из последующих писем Русселя к Михаилу Фёдоровичу и патриарху Филарету Никитичу видно, что этот проект Руссель уже ранее обсудил и выработал с ними во время своих тайных бесед в Москве⁵⁰, хотя присланное был изложить перед ними план приобретения польской короны Бетленом Габором⁵¹ (во время пребывания Русселя в Москве стало известно о

⁴⁶ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 9, л. 108, 130; стб. 10, л. 25.

⁴⁷ В статье «Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну» мы назвали Русселя шведом в результате ошибочного отождествления его с шведским гонимом к Бетлену Габору. Биографические сведения о Русселе удалось найти у французских мемуаристов. Подробная характеристика политической роли Русселя в Трансильвании, Турции и России будет дана нами в другой связи.

⁴⁸ Wejle. Op. cit., s. 19. Руссель выехал из России через Новгород 24 июля 1630 г., 20 августа отплыл из Выборга в Швецию (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 3, л. 40, 62). См. там же, 1630, стб. 8, данную ему рекомендательную грамоту Михаила Фёдоровича к Густаву-Адольфу от 6 июля 1630 года.

⁴⁹ Nils Ahnlund. Op. cit., s. 332.

⁵⁰ В своём первом сообщении о переговорах с Густавом-Адольфом (от 29 января 1631 г.) он пишет: «И сверх того я говорил один-на-один с королевским величеством о том добром деле от вашего царского величества, и договорился с ним тайно по вашему произволению и желанию вашему. И только за тем стало, что надлежит наводить и соединить (организовать) изволение (т. е. волю) панов-рады на доброхотение к преемльможнейшему Густаву-Адольфу королю, так же как они желали и хотели покойника блаженной памяти короля Габора, еже волею божиею преставился, тогда как он со своим войском шёл в Польшу на исходе 1629 года» (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 3, л. 2).

⁵¹ Бетлен Габор, судя по речи его послов в Москве, рассчитывал на три фактора: 1) военную силу свою и своих союзников, 2) доброжелательное отношение сейма («панов-рады») к нему и к идее польско-венгерской унии, 3) рокош, который, по его предположению, со ссылкой на исторические прецеденты, поднимут против своего короля поляки, если он начнёт не одобряемую ими войну (ЦГАДА. Дела венгерские. 1630, стб. 1, л. 162—163).

смерти Бетлена Габора)⁵². Проект посадить на польский престол Густава-Адольфа был, как видно, составной частью того «великого замысла», обсуждавшегося в палатах Филарета Никитича в июне 1630 г., на который Руссель часто намекает в письмах. Но и Густав-Адольф со своей стороны был тоже подготовлен к этому шагу. Ему было известно от посла Страсбургга, вернувшегося с отчётом в Швецию в начале 1630 г., что перед смертью Бетлен Габор писал польским магнатам, горячо рекомендуя Густава-Адольфа на польский престол. Канцлер Оксеншерне был ещё раньше сторонником выдвижения кандидатуры Густава-Адольфа и теперь вместе со Страсбурггом держал курс на всемерное разжигание религиозной борьбы внутри Польши. Густав-Адольф имел тайные сношения (через римского бурграффа Ульриха) с вождём польских протестантов — князем Кристофером Радзивиллом⁵³.

Однако всё это было совсем непохоже на принятое теперь решение. Густав-Адольф, возведя Русселя в высокий придворный ранг и снабдив 5 ноября пышными верительными грамотами и огромными полномочиями, отправил его в качестве своего официального посла к польским магнатам и сенаторам, к польской «республике», минуя короля. Руссель должен был открыто пропагандировать выгоды польско-шведской унии и Густава-Адольфа как защитника польских свобод от «узурпаций» Сигизмунда, собиравшегося при жизни добиться избрания королём кого-либо из своих сыновей. Заехав в конце ноября в г. Эльбинг к канцлеру Оксеншерне, который был удивлён всем этим, но подчинился воле короля, Руссель затем с декабря 1630 г. обосновался в Риге и Дерпте. Оттуда он посылал гонцов в Польшу с письмами к магнатам и сейму, а позже, в 1632 г., стал даже печатать эти письма и антигабсбургские воззвания, как и верительные грамоты Густава-Адольфа, и широко распространять их в Польше. Перепуганные польские протестанты, к которым он адресовался, в том числе Радзивилл, разумеется, начали отрекаться от всякой связи со шведами, шляхтичи публично рвали русселевские листовки с восхвалениями Густава-Адольфа или отсылали их разгневанному Сигизмунду. В апреле 1632 г. гонец Русселя Мавиус, добивавшийся после сейма встречи с польским дворянством, едва спас свою жизнь⁵⁴. Вся Европа была поистине поражена таким небывалым способом ведения политических дел⁵⁵.

Русселя считают первым виновником неудачи претензий Густава-Адольфа на польский престол. «Насколько удачна, — говорит Вейле, — была политика Густава-Адольфа в отношении Польши до заключения Альтмаркского перемирия, настолько неудачной она была во время перемирия». Его «основной план» — вызвать в Польше междоусобия, отнять престол у потомков Сигизмунда или хотя бы принудить их к отказу от притязаний на Швецию — «полностью провалился». Руссель только оттолкнул от Густава-Адольфа польские оппозиционные круги, слишком рано разоблачив его намерения перед противниками, когда надо было ещё действовать в глубокой тайне через Радзивилла⁵⁶. Но действительно ли в этом состоял «основной план» Густава-Адольфа? 22 апреля 1631 г. он сам писал Оксеншерне, что вопрос о польской короне его совершенно не интересует⁵⁷. Да и мог ли этот проникательный политик не понимать,

⁵² Ещё будучи при дворе Бетлена Габора, Руссель выступал как горячий поклонник Густава-Адольфа, определённо ориентировался на него и заключил тайный договор с его послом Страсбурггом. Последний снабдил Русселя не только рекомендательными письмами к Густаву-Адольфу, но и полномочиями действовать в Турции и России в интересах Густава-Адольфа и от его имени (Wejle. Op. cit., s. 12—13).

⁵³ Wejle. Op. cit., s. 12—16; Szelagowski. Op. cit.

⁵⁴ Wejle. Op. cit., s. 19—33.

⁵⁵ См. «Theatrum Europaeum». Т. II, p. 571—572.

⁵⁶ Wejle. Op. cit., s. 64—65.

⁵⁷ Ibidem, s. 39.

что у него ни при каких обстоятельствах нет шансов получить мирное большинство в польском сейме! Сопоставление актов его польской политики и его русской политики подтверждает иную мысль, — что на самом деле его основной план состоял в том, чтобы принудить Московское государство к войне с Польшей. Ведь его манила гораздо более пленительная цель, чем польская корона: покорение Германии, возможно, германская императорская корона⁵⁸. И только свобода рук Польши была помехой на пути к этой цели. В те же самые дни, в начале ноября 1630 г., когда столь громогласно Руссель был отправлен в Польшу, Густав-Адольф дал совершенно тайное поручение Моньеру ехать в Москву с новым проектом разгрома Польши, о чём речь будет ниже. Насколько эти две миссии представляли одно целое, видно из того, что Густав-Адольф обе составленные им инструкции, Русселю и Моньеру, из которых первая датирована 8 ноября, вторая—11 ноября, переслал вместе (повидимому, с Русселем) для сведения канцлеру Оксеншерне, ответ которого от 17 января 1631 г. с разбором обеих инструкций, кстати сказать, лишний раз подтверждает впечатление, что Оксеншерне в те времена стоял несколько в стороне от русской и польской политики Густава-Адольфа, не всё в ней понимал, да и не всё знал. Но во всяком случае, и Оксеншерне было ясно, что главная задача не только Моньера, но и Русселя, — «добиться в России войны против Польши»⁵⁹; инструкция предписывала Русселю ехать после Польши в Москву.

В чём же состоял замысел Русселя и Густава-Адольфа? Они решили воздействовать на московское правительство его же собственным козырем. Московское правительство, предлагая через Русселя Густаву-Адольфу польскую корону, несомненно исходило из того расчёта, что в случае согласия Густаву-Адольфу придётся предпринять военное вторжение в Польшу (как собирался действовать и Бетлен Габор); при этом он должен будет искать военного союза с Москвой, и Москва сможет продиктовать свои территориальные и политические условия будущему польскому королю⁶⁰. А Густав-Адольф теперь с помощью того же Русселя перенёс акцент на вопрос о согласии польских панов на его избрание и тем самым пугал Москву возможностью получить польскую корону мирным путём, без военного давления и, следовательно, без московской помощи. Мало того, в перспективе Московское государство оказалось бы соседом сильного польско-шведского государства, не успев ничего вернуть из своих потерь времён смуты и интервенции. Ясно, что известие о миссии Русселя должно было заставить Москву поторопиться с объявлением войны Польше. Так и случилось.

Руссель очень энергично принялся в декабре 1630 г. выполнять обе части своей миссии: и подсобную — польскую и главную — русскую. Повидимому, ему следует, между прочим, приписать появление в Москве в декабре 1630 г. провокационных «вестей» о близком выступлении поля-

⁵⁸ См. анализ конечных целей похода Густава-Адольфа в Германию у Nils Ahnlund. Op. cit., s. 393—401. Для характеристики этих целей ещё никем не привлекалась следующая фраза из неопубликованного письма Густава-Адольфа к Михаилу Фёдоровичу из Штеттина от 21 июня 1631 г. (в переводе Посольского приказа): «А что ваше ц. в-во держит к нашему кор. в-ву добрую надежду, чтоб наше кор. в-во вашему ц. в-ву против польского короля помогал, то хотя (ещё) и не вся немецкая земля под наше королевское величество поддана, однако мы нашу королевскую великую дружбу и любовь к вашему ц. в-ву показать хотим»: следует разрешение нанять 5 тыс. солдат в Померании, Мекленбурге и Пруссии для войны с Польшей, провезти их через Швецию, беспощадно вывезти закупленное оружие и пр. (ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 4, л. 133).

⁵⁹ Arkiv till upplysning om svenska krigens historia. Bd. II, s. 157.

⁶⁰ Это подтверждается наказом, данным позже русским послам Пушкину и Горяхостову, отправленным в 1632 г. в Швецию для заключения союза.

ков («литовских людей и русских воров порубежных мужиков») ⁶¹, породившее серьёзную военную тревогу: рассылку царской грамоты о переходе на военное положение по 19 городам, экстренную ревизию военной готовности порубежных крепостей, ряд чрезвычайных мероприятий Пушкарского приказа ⁶². В связи с этой тревогой стоит, несомненно, и срочное принятие 30 декабря всех предложений уже заждавшегося Александра Лесли о найме иностранных полков ⁶³. Но свой главный ход Русселя сделал в январе 1631 г.: он прислал из Дерпта на имя Михаила Фёдоровича и патриарха Филарета Никитича донесение о своём свидании с Густавом-Адольфом, о своём новом высоком poste полномочного шведского посла «к всему миру в Польше» в связи с открывающимся в Варшаве сеймом, о своём решении остаться пока в Риге и послать в Польшу на сейм только двух гонцов с приглашением к вельможам приехать в Ригу для переговоров о кандидатуре Густава-Адольфа на польский престол. К донесению были приложены копии верительной грамоты, выданной Русселю Густавом-Адольфом, и письма Густава-Адольфа к польским вельможам (кастеляну краковскому и др.), датированные 5 ноября в г. Штральзунде ⁶⁴. Это донесение Русселя прибыло в Псков с сопроводительным письмом шведского губернатора Лифляндии Иоганна Шютте ⁶⁵, просившего псковского воеводу ввиду важности дела «ту грамоту тогчас днём и ночью беспрестанно с прямым гонцом послать» в Москву.

Дипломатическая комбинация Густава-Адольфа оказалась рассчитанной совершенно точно. Донесение Русселя произвело в Москве сильное действие. Это видно из сопоставления дат. Буквально на другой день было решено дело, тянувшееся уже несколько месяцев. Хотя обязательство Турции выступить против Польши ранней весной 1631 г. прибыло ещё в июне 1630 г. и Московское государство твёрдо намеревалось выступить одновременно с Турцией, с сообщением об этом Швеции не считали нужным спешить. Посольство Плямянникова и Аристова к Густаву-Адольфу, подготавливавшееся с октября 1630 г., всё откладывалось: собиралась информация о военных действиях шведов в Германии, — ещё 16 января 1631 г. очередная царская инструкция новгородскому воеводе кн. Д. М. Пожарскому предписывала тайно выведать за рубежом: что

⁶¹ Это предположение основано на том, что в другом случае появления таких же «вестей», вскоре после данного случая, нити ведут прямо к Русселю: в феврале 1631 г. он прислал из Дерпта на русскую заставу возле Пскова человека для передачи письма на имя Михаила Фёдоровича, и этот человек подробно рассказал на заставе о числе и расположении литовских войск, которые, по его словам, вскоре должны были уже начать наступление на Псков под командованием Владислава. На этот раз московское правительство приказало послать за рубеж двух — трёх разведчиков под видом купцов для проверки «литовских вестей» и вскоре получило успокоительное сообщение о ложности всей этой информации (ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 5, л. 2—5, 14—15, 21—22).

⁶² Сташевский Е. Указ. соч., стр. 283.

⁶³ Судя по особой грамоте Густава-Адольфа к Михаилу Фёдоровичу от 28 февраля 1631 г. (из Альтенштадта в Померании), Лесли даже написал Густаву-Адольфу, что его в Москве не используют и низко оплачивают; Густав-Адольф просит или назначить Лесли то же содержание, какое получают в шведской армии другие полковники, или отпустить его, «потому что здесь в царской области (т. е. в Германии) нашему кор. в-ву разумные полковники в службе годны» (ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 8, л. 51). Из столбца Посольского приказа видно, что ещё до получения этой грамоты дело Лесли вдруг сдвинулось с места во второй половине декабря 1630 года. По просьбе кн. И. Б. Черкасского, Лесли 21 декабря на основе предшествовавших переговоров представил докладную записку; 30 декабря последовало распоряжение царя и патриарха изготовить, исходя из неё, все необходимые документы для миссии Лесли (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 10, л. 1—13).

⁶⁴ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 3, л. 1—6, 29—30. Письмо Русселя ошибочно датировано январём 1630 г. вместо 1631 года.

⁶⁵ О Шютте и его деятельности в качестве шведского губернатора Лифляндии см. I. I. Jedahl R. «Svensk förvaltning i Livland 1617—1634». Kap. XI, s. 524—530 Uppsala. 1933.

делается в Швеции и на войне, где находится Густав-Адольф «и с польским королём у него ссылка (сношения) есть ли и если есть, то о чём»⁶⁶.

Но 25 января, сразу после получения донесения Руссея, был подписан наказ Племянникову и Аристову, 29 января была подписана грамота Михаила Фёдоровича к Густаву-Адольфу, а 30 января Племянников, Аристов и Лесли спешно выехали из Москвы. Они везли с собой то, чего так страстно желал Густав-Адольф. Послы должны были, изложив перед ним краткую историю русско-польских отношений со времён смуты, подчеркнуть, что царь уже порвал Деулинское перемирие, отказавшись принять в прошлом году польских послов, и заявить от имени царя: «а ныне мы великий государь за те короля Сигизмунда многие неправды хотим на него стояти и бояр наших и воевод с ратными людьми на весну (зачёркнуто: рано) хотим послати»⁶⁷.

Александр Лесли получил также дипломатические послания Михаила Фёдоровича к английскому королю Карлу I, к датскому королю Христиану IV, к голландскому штатгальтеру Генриху Оранскому и Нидерландским Генеральным Штатам. Во всех этих посланиях, как и к Густаву-Адольфу, фигурирует, после изложения «неправд» Сигизмунда III, одна и та же формула, очень важная для понимания международной концепции московского правительства: «Да и то нам ведомо, что королевич Владислав хочет достигать нашего Московского государства и разорить государство и веру нашу христианскую, а свою еретическую папешскую проклятую веру ввести и утвердить, по умыслению папы римского и по совету цесареву и короля испанского и короля литовского (т. е. Сигизмунда). И мы великий государь видя их такие многие неправды, до перемирных лет польскому королю (Сигизмунду) и панам-раде терпеть не хотим». Как видим, война против Польши публично трактовалась Московским государством перед лицом Европы как косвенная война и против всего габсбургско-католического лагеря. Сообщая всем указанным государям о своём намерении начать военные действия весной 1631 г., Михаил Фёдорович просил у них помощи в найме солдат и закупке оружия⁶⁸. Таким образом, это было гласным и формальным объявлением войны Польше.

Но как ни спешили послы и Лесли, они встретились в пути до Швеции и из Швеции в Германию с задержками. Прошло целых четыре месяца, прежде чем они смогли доставить Густаву-Адольфу это драгоценное известие.

Тем временем тревога Густава-Адольфа возрастала. Правда, в январе 1631 г. он имел, наконец, союзный договор с Францией, подписанный в Бервальде. Но двигаться в глубь Германии он попрежнему не мог: прибывали известия о польских военных приготовлениях, которые могли быть использованы против Швеции даже и без формального нарушения Польшей Альтмаркского перемирия. Например, 8 января 1631 г. рижский буртграф Ульрих донёс, что император пытался получить возможность вербовки армии в Польше, которая должна ударить в тыл шведам в Германии⁶⁹. Действительно, в 1631 г. вся Европа знала, что Сигизмунд, в соответствии с договором о взаимопомощи, заключённым ещё в 1621 г. с императором Фердинандом II, предоставил ему свободу вербовки и

⁶⁶ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 9, л. 46—47.

⁶⁷ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 9, л. 96—106. Тут же сообщается о прошлом посольстве от султана Мурада IV, известившего, что «на весну» посылает на польского короля большое войско, «а нам бы стоять с ним на польского (короля) задин» (л. 103). Приблизительно тот же текст содержится и в письменной грамоте Михаила Фёдоровича к Густаву-Адольфу (л. 127—145).

⁶⁸ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 10, л. 51—69 (грамота к Христиану IV), 70—85 (грамота к Карлу I), 86—97 (грамота к Генриху Оранскому), 98—111 (грамота к Нидерландским Штатам). Все грамоты, как и к Густаву-Адольфу, датированы 29 января 1631 года.

⁶⁹ Wejle. Op. cit., s. 18.

формирования войск на территории Польши, отклонив, однако, его требование о немедленном военном союзе против Швеции⁷⁰.

Но у Густава-Адольфа был уже заготовлен противовес всем этим угрозам. Выше мы упомянули о его тайном поручении, данном Моньеру в ноябре 1630 года⁷¹. То была вторая половина проекта, предложенного Русселем Густаву-Адольфу, с целью ускорить вступление России в войну с Польшей. Миссия самого Русселя должна была послужить кнутом, миссия Моньера — пряником. Только из-за медлительности Моньера и стремительности Русселя обе части единого плана разошлись во времени: Моньер попал в Москву лишь 15 мая 1631 г., через три с половиной месяца после того, как русское посольство уехало к Густаву-Адольфу.

Моньер — крупный шведский военный; когда впоследствии московское правительство предложило ему взять командование целым полком, он отказался, сославшись на полученное назначение в шведской армии⁷². Его миссия также носила чисто военный и в высшей степени секретный характер⁷³. Она служила как бы следующим шагом в развитии миссии Лесли⁷⁴. Моньер, согласно инструкции, от имени Густава-Адольфа должен был предложить царю и патриарху нечто, очень похожее на то, чего они через Русселя как раз хотели добиться от Густава-Адольфа, — военное вторжение в Польшу с запада одновременно с русским вторжением с востока, — но только с существенной поправкой: армия для этого вторжения будет нанята, хотя и в Германии (на территориях, подвластных или союзных Швеции), и даже под личным руководством Густава-Адольфа, но на русские деньги⁷⁵.

Полный текст докладной записки, поданной Моньером царю, не сохранился, однако её содержание частично воспроизведено в позднейшей переписке, и мы можем составить себе о ней представление. Сначала Моньер от имени Густава-Адольфа пылко благодарил царя («дружно бил челом») за «великую дружбу», выразившуюся в разрешении уже несколько лет закупать в России «доброе число ржи». «Высоко почитая» эту помощь и прося о её продолжении, Густав-Адольф «в печали пребывал как бы ему против того воздати» и, наконец, нашёл способ: подобно тому, как Михаил Фёдорович этим разрешением помог ему против императора, он решил «в вашем зачатом деле против польского (короля) думою и

⁷⁰ Например, Бурж, описывая положение Швеции весной 1631 г., сообщает: «Польский король, связанный договором со шведским королём и не имея возможности ничего предоставить императору, не пожелал выступить, но всё-таки позволил императору навербовать в своём королевстве сколько угодно войск» (*De bello suecico*. 1633, p. 134).

⁷¹ Ср. протокол рейхсрата от 26 января 1631 г. об отправке Моньера в Москву. *Svenska riksrådets protokoll (Handlingar rörande Sveriges historia, 3 serien)*. Bd. II, s. 53. 1880.

⁷² ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 8, л. 228—229.

⁷³ Приехав в Москву, Моньер сообщил приставам, что, кроме явных дел, «есть с ним речь к государю тайная»; поэтому ему предложено было на публичном приёме у царя ничего не говорить, а прислать свою речь в письменном и запечатанном виде. Тайно был ему вручён и царский ответ, не известный никому даже в Посольском приказе, кроме самого думного дьяка (Ф. Ф. Лихачёва), у которого «в тайном посольском столпу», не дошедшем до нас, был подклеен текст этого ответа (см. ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 7, л. 140, 189). Отметим, что какие-то неизвестные нам силы пытались и сумели проникнуть в тайну этого ответа: листы 269—282 указанного столбца повествуют о том, что по выезде из Москвы, в Химках, возок того члена посольства Моньера, который вёз документы, был ограблен, а через несколько дней все документы, запечатанные и завёрнутые в «попопу», были подброшены на дороге и доставлены нашедшим их крестьянином в Москву, в Посольский приказ; специальный гонец повёз их вдогонку за Моньером.

⁷⁴ Моньер не застал Лесли в Москве, но, покидая Москву 7 июня, он захватил будто бы «выпить» к тестю Лесли—Узингу, проживавшему в Химках (очевидно, вместе с дочерью — женой Лесли). Именно по выезде оттуда и был ограблен отставший возок. Не соблазнил ли Моньер чьего-либо любопытства как раз в доме Лесли, демонстрируя тайный царский ответ?

⁷⁵ Изложение инструкции, данной Моньеру, см. у Форстена «Балтийский вопрос» Т. II, стр. 364—365. Weijle. *Op. cit.*, s. 9.

делом помогать». Учитывая, «что король польский римскому цесарю во всём радеет и ищет ему добра чинить: не только ему полковников перепустил (т. е. опустил служить), но и позволил цесарю в своей земле людей нанимать», — Густав Адольф полагает, что он в той же мере не нарушит польско-шведского перемирия, если поступит, как польский король, и русскому царю «таким же способом свою добрую подвижность (поддержку) окажет». «Добре годно вашему ц. в-ву видную армаду, то-есть войско в (той) немецкой земле учинить, которую его к. в-во взял и ододел, и с той стороны в польскую землю удариться»⁷⁶. При этом царю конкретно рекомендовалось нанять 10 тыс. пехоты и 2 тыс. конных, формированием и военными действиями которых Густав-Адольф брался лично руководить⁷⁷. Но зато он просил не заключать сепаратного русско-польского мира, т. е. не включив в него Швецию⁷⁸.

Вейле справедливо замечает, что осуществление этого плана «сделало бы более несомненным успех русских в войне с поляками и в то же время дало бы Густаву-Адольфу полное спокойствие, что Польша не выступит против него»⁷⁹. Оксеншерна увидел в этом плане только хитрость со стороны Густава-Адольфа. Анализируя в цитированном уже письме инструкцию Моньера, он пишет, что, насколько он понял, она сводится к трём основным пунктам: «1) втянуть московитов в войну с Польшей, 2) доставить вашему королевскому в-ву денег под предлогом вербовки в Германии для нужд России, 3) достигнуть продолжения закупки хлеба. Все три пункта, — продолжает он, — именно таковы, каких требует настоящее время, и я очень желаю, чтобы Моньер вёл это дело разумно и добился чего-либо хорошего. Безопасность Швеции и вашего королевского в-ва требует, чтобы Польша не была свободна от опасности со стороны Москвы, и если она (Москва) действительно вступит в войну, то наши дела будут обстоять хорошо и обеим сторонам придётся уважать нас»⁸⁰. Источники подтверждают, что цена, которую в дальнейшем запросил Густав-Адольф с Москвы, в самом деле дала бы ему возможность попутно основательно пополнить свою казну, но план нападения на Польшу с запада всё же не был только «предлогом». Сам Оксеншерна с некоторым сомнением допускает: «Если та вербовка в Германии для нужд великого князя (московского) затеется, то Руссель имеет широко дискутировать со мной об этом; он сам хочет по возможности продвигать это дело»⁸¹. Действительно, инициатор всего плана, Руссель, смотрел на него, как на реальность, и хотел держать руководство им в своих руках. Так же смотрел на дело и Густав-Адольф.

Авторы цитированного новейшего труда «Sveriges krig 1611 — 1632» склонны упрекнуть Густава-Адольфа в легкомыслии за его увлечение этим планом и восхваляют трезвую мудрость Оксеншерны. «У Русселя был наготове план, подобный тем, какие авантюристы того времени рассыпали вокруг себя и которые Оксеншерна всегда расценивал с охлаждающей трезвостью». Они исходят при этом из традиционного мнения о глупости всех вообще польских затей Русселя. Гибельное влияние на Густава-Адольфа приписывается также Моньеру, убеждавшему короля выполнить план Русселя, как ни противился этому канцлер. «Тщетно Оксеншерна предупреждал: предполагаемая вербовка для русских только запутала бы Швецию в русско-польскую войну, а задача Швеции должна была бы быть только та, чтобы «сидеть смирно при этом положении вещей, не затронутой поляком»; угроза со стороны России могла бы принести помощь и без этих авантюристических способов. Однако Густав-

⁷⁶ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 8, л. 220—222.

⁷⁷ Там же, стб. 7, л. 287.

⁷⁸ Там же, стб. 8, л. 68.

⁷⁹ Wejle. Op. cit., s. 9.

⁸⁰ Arkiv till upplysning om svenska krigens historia. Bd. II, s. 157.

⁸¹ Ibidem.

Адольф крепко держался за мысль при помощи этого проекта отвлечь Польшу и рьяно утверждал, что этот план не противоречит международному праву»⁸².

Нам взгляд Оксеншерны представляется, напротив, очень близоруким, а план Русселя и Густава-Адольфа — значительно более дальновидным, хотя и рискованным. Ведь русско-польская война ещё не была действительностью. Без серьёзного вклада со стороны Швеции дело не могло обойтись. И сознавая это, Густав-Адольф, вопреки Оксеншерне, торопил Русселя и Моньера.

Прислав в феврале 1631 г. новое донесение в Москву о своей миссии в Польшу, Руссель в марте уже сам прибыл на рубеж во главе пышного посольства. Сопроводительная грамота губернатора Шютте рекомендовала его как «великого посла, больше которого давно не бывало», имеющего тайный «изустный приказ от шведского короля, которые дела гораздо надобны шведскому королевству и российскому государству»⁸³. В связи с его ролью в Польшу его пустили на Москву с большой подозрительностью⁸⁴ и лишь после долгой проволочки, тем более, что у него не было письменного документа от Густава-Адольфа⁸⁵. Однако велел за ним прийти новое послание Шютте с извещением, что Густав-Адольф к нему в Ригу «пригнал гонца» в начале апреля; Руссело «велено итти к Москве день и ночь наспех» с порученными ему «надобными делами» «и чтоб ему к королевскому величеству приехать с добрым ответом непременно вскоре»⁸⁶. Густав-Адольф определённо нервничал. В Москве Руссель вёл абсолютно тайные переговоры с кн. Иваном Борисовичем Черкасским, доверенным лицом патриарха и царя⁸⁷.

По последующей переписке можно установить, что, предвосхищая запаздывающего Моньера, Руссель сам изложил план найма войск для вторжения с запада в Польшу и сосредоточения их в «Силезской земле», причём предлагал свои услуги для руководства этим наймом⁸⁸. С этого момента началась борьба Русселя против вербовки иноземных полков в Германии, которую проводил Лесли; учитывая, повидимому, ограниченность и русской казны и немецкого рынка найма (а может быть, также собственную выгоду), он всячески доказывал в последующих письмах царю, что «сбор» полковника Лесли «не сгодится и помешку учинит думе (т. е. замыслу) вашего величества», что иноземные полки на русской службе могут изменить и перейти к гетману Гонсевскому, что «тех немцев, которых нанимают», надо послать на Польшу не с московской стороны, а с силезской⁸⁹. Наряду с этим Руссель обсуждал с И. Б. Черкас-

⁸² «Sveriges krig 1611—1632». Bd. V, s. 229—230.

⁸³ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 5, л. 42, 48.

⁸⁴ Ещё в феврале новгородскому воеводе было приказано, посплав в Ливонию разведчиков под видом купцов, поручить им, между прочим, «тайно проведывать» в Риге про деятельность Якова Русселя: «что у него учнётся делати». По прибытии в Москву состав посольства был поставлен в необычные условия: приставам было приказано всех, кто придёт к двору и будет о чём-либо разговаривать с послом или его людьми, «отошед от посольского двора» хватать и присылать в Посольский приказ, но «что б то послу было не знатно и не сумнительно» (там же, л. 15, 120—121).

⁸⁵ Любопытна резолюция рукою Филарета Никитича: «Как государь произволит, а мне кажется — его не мешкая пропустить: потому как ему без королевского ведома ехать сюда? Что б его велеть пропустить не мешкая. А яз чаю, что он едет с великим делом» (там же, л. 45 об.).

⁸⁶ Там же, л. 147—148.

⁸⁷ Запись переговоров не сохранилась; она должна была храниться у кн. И. Б. Черкасского, «а в Посольском приказе ни о чём не ведомо, потому что Яков Руссель приезжал с великим и тайным делом» (там же, л. 166—167).

⁸⁸ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 9, л. 3—19.

⁸⁹ Там же, стб. 10, л. 5, 29, 43. Позже Руссель предлагал своё посредничество между Московским государством и князем Христианом Ангальтским, который выразил согласие за хорошее вознаграждение стать во главе нанятых Москвою иностранных войск (1632, стб. 8). Но в это время Смоленская война была уже в разгаре.

ским все вопросы предстоящей войны с Польшей, а также вопрос о русско-шведском союзе. Полученную информацию, представлявшую огромную ценность для Густава-Адольфа, Руссель позже, в июле, переслал последнему через Оксеншерну⁹⁰. Но никакого официального письменного ответа Руссель с собой не повёз, поскольку не привёз письма Густава-Адольфа. Одарённый богатыми царскими подарками, окружённый заботой и вниманием, Руссель выехал из Москвы обратно в Ригу 13 мая⁹¹, за два дня до приезда в Москву Моньера, переговоры которого он, таким образом, подготовил и который получил уже официальный царский ответ на план Густава-Адольфа.

Каков же был этот ответ? По словам Вейле, предложение Густава-Адольфа «возбудило большое удовольствие у царя»⁹². Действительно, оно было охотно и целиком принято, лишь с незначительными поправками. Так, в Москве не захотели включить конницу в нанимаемое войско, предпочитая лучше нанять лишних 5 тыс. человек пехоты, а конницу направить свою собственную к условленному месту встречи. Ответ по поводу просьбы Густава-Адольфа не заключать сепаратного мира с Польшей содержал не только согласие, но и намёк на то, что, может быть, в результате войны вообще не придётся с нынешним королём заключать ни мира, ни перемирия, т. е. что польская корона может достаться самому Густаву-Адольфу. Наконец, была выражена просьба уточнить место, откуда Густав-Адольф думает напасть на Польшу (через Лифляндию или через Германию), и стоимость всего предприятия⁹³. Моньер выехал из Москвы 7 июня 1631 г., но Густав-Адольф только в августе узнал об успехе его миссии и получил тайное послание Михаила Фёдоровича. В этом послании, между прочим, подтверждалось обязательство начать в нынешнем, 1631 г. войну против Польши, но срок выступления передвигался с весны на «лето»⁹⁴.

Густав-Адольф, видимо, был обеспокоен медлительностью Моньера, судя по тому, что уже в марте 1631 г. он направил не только упомянутого выше гонца к Русселю, торопя последнего ехать в Москву, но и формально назначил (3 марта) с тем же поручением, какое имел Моньер, нового посла в Москву, Иоганна Мёллера, «на смену Антону Моньеру», которому ездить слишком «протяжливо», тогда как Мёллер взялся пересылать письма за четыре недели; при этом Мёллер должен был остаться на постоянное жительство в Москве для ведения всех «явных и тайных дел»⁹⁵. Следует учесть, что Мёллер лишь незадолго до того, в феврале 1631 г., приехал в Померанию к Густаву-Адольфу из Москвы, и был первым, кто привёз ему радостные известия, хотя ещё не официальные, о военных приготовлениях Московского государства. Прибыв вторично в Москву в начале июня 1631 г. (за несколько дней до отъезда Моньера), Мёллер рассказывал, что он «недели три каждый день в комнату его в-ва (Густава-Адольфа) ходил и его в-во о сем (Московском) царстве и о своей тайности (тайне) с особенным радением наказывал»; «а ведает у короля те тайные дела, о которых он послан к царскому в-ву, один королевский канцлер Оксеншерна, а оприч того канцлера про тайные дела никто не ведает»⁹⁶. Всё это производит впечатление правды, с той, впрочем, оговоркой, которая выше была сделана о роли Оксеншерны.

⁹⁰ Это донесение выслано им из Риги 17 июня и получено Густавом-Адольфом с письмом Оксеншерны (от 12 июля) не раньше конца июля 1631 года. Wejle. Op. cit., s. 24.

⁹¹ 26 мая Руссель отплыл на судах из Пскова, прихватив с собой иноходца из царской конюшни и возок, крытый лазоревым сукном, вовсе ему не подаренные, а данные лишь на проезд от Москвы до рубежа (ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 5, л. 187 и сл.).

⁹² Wejle. Op. cit., s. 10.

⁹³ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 8, л. 222, 68.

⁹⁴ Там же, л. 68.

⁹⁵ Там же, л. 15, 57—58.

⁹⁶ Там же, л. 57, 16.

Мёллер предпослал изложению своих тайных дел международную информацию — тенденциозную, однако не лишённую оснований. Между прочим, он говорил о намерениях польского короля и сейма искать мира со Швецией и Московским государством. Польский посол уже направлен «о миру» к Густаву-Адольфу, который, однако, не собирается верить их «обманам». Быть третейским посредником в мирных переговорах с Москвой поляки попросили германского императора, — последний уже снаряжает в Москву через Польшу большое посольство, и сам Мёллер встретил в пути двух отправленных вперёд императорских гонцов, у которых он хитростью и выведал всё это⁹⁷. Кроме того Мёллер сообщил о взятии Густавом-Адольфом множества немецких городов, многозначительно подчеркнув: «и которые цесаревы города были смежны с польским королём и те все города ныне за государем его, за Густавом-Адольфом королём»⁹⁸.

Самый план нападения на Польшу со стороны Германии Мёллер не развивал подробно, поскольку Антон Моньер перед ним уже «те дела совершил», но сделал ряд частных дополнений. Он передал военные советы и указания Густава-Адольфа и его общее мнение, что если Михаил Фёдорович захочет «нанять немецких людей и на Польшу послать с немецкой стороны», в то время как русские «ратные люди пойдут со своей стороны», то вследствие неожиданности Польшу ждёт неминуемый разгром. Считая, что польский король, послав императору на помощь два полка во главе с польскими полковниками, уже нарушил перемирие с Швецией, Густав-Адольф тоже «для царского в-ва любви поступитя своих ратных людей два регимента с добрыми начальниками». Более того, он готов сам ввязаться в войну, если поляки дадут повод: «а если польские люди немецких людей встретят большими людьми (т. е. крупными силами) и немцев потеснят, то им можно отойти в те места, что ныне за шведским королём, а шведский король тому и рад, чтобы польские люди за ними пришли за рубеж: то и нарушение перемирия»⁹⁹.

Как видим, военный гений Густава-Адольфа не на шутку увлечён разработкой этого стратегического плана. Но ещё важнее для Густава-Адольфа был дипломатический план шведско-русского союза. Он поручил Мёллеру передать: «Если бы царскому в-ву можно было в сердце моё зрети, то он бы увидел, как я ему доброхотаю» — и даже готов за Михаила Фёдоровича и его наследников «по смерть свою стоять»¹⁰⁰.

Чем более благоприятно развивались дальнейшие переговоры Мёллера в Москве, тем больше новых заманчивых предложений, псевдимому, следуя инструкции, выдвигал он. Тут и предложение дешёвой закупки разнообразного оружия непосредственно из запасов шведского короля, и широкий меркантилистский план переселения в Россию ремесленников с Запада для обогащения царской казны и пр. Однако всё это отходит на второй план по сравнению с осторожным зондажем самой щекотливой проблемы во время беседы с И. Б. Черкасским 15 июля: по моему мнению, сказал Мёллер, если царь начнёт войну против польского короля, «Белая Русь от Польши отложится»; «добро бы, — добавил он, — что б и черкес (т. е. запорожских казаков) угворить» сделать то же самое¹⁰¹. Если сопоставить это с ранее сделанным им заявлением от имени Густава-Адольфа, «добро б так было, чтоб такое укрепление меж обеих великих государей, что ни один без другого с польским королём не мирился»¹⁰², — то ход мыслей станет ясен. Уговариваясь не заключать сепаратного мира, надо предвидеть уже контуры будущего совместного мирного

⁹⁷ Императорское посольство в сопровождении польской свиты действительно прибыло на русскую границу в следующем, 1632 году, но не было принято.

⁹⁸ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 8, л. 63, 19—20, 15—16.

⁹⁹ Там же, л. 64.

¹⁰⁰ Там же, л. 63, 67.

¹⁰¹ Там же, л. 106.

¹⁰² Там же, л. 65.

договора. Густав-Адольф давал понять, что он не возражает против перехода от Речи Посполитой к Московскому государству Белоруссии и Запорожской Украины. Мы уже видели, что московское правительство со своей стороны наметнуло в ответе, посланном с Мониером (и многозначительно повторённом Мёллеру), что, может быть, и вовсе не понадобится заключать мир или перемирие с третьим лицом — «польским королём». Так, в дипломатической дымке впервые обрисовываются перед нами очертания того соглашения о разделе Речи Посполитой, которое в следующем, 1632 году, московское правительство уже без прикрас и умолчаний выдвинет перед Швецией, по проекту, разработанному всё тем же Русселем.

Не может быть сомнений в том, что Руссель уже в 1630 г. согласовал в общих чертах эту перспективу русско-шведского союза по отдельности и с Михаилом Фёдоровичем (вернее, с Филаретом Никитичем) и с Густавом-Адольфом. Московское правительство никогда не согласилось бы, тем более не указало бы само, на кандидатуру Густава-Адольфа в качестве польского короля, если бы не рассчитывало за свою поддержку потребовать у него возвращение обширных русских земель, захваченных в прошлом Литвой и Польшей.

Но размер и состав этих территориальных возмещений не могли быть ясны Русселю с самого начала. О Смоленске и прилегающих районах нечего было спорить¹⁰³. Всё внимание Русселя первоначально было приковано к Запорожской Украине, вопрос же о Белоруссии возник позже, должно быть это требование Москвы Руссель впервые услышал в июне 1630 г. и довёл его до сведения Густава-Адольфа в октябре — ноябре 1630 года. Что касается Украины, то если основания думать, что ещё Бетлен Габор, строя свои планы захвата польской короны, рассчитывал получить согласие и военную помощь Москвы именно в обмен за уступку ей Запорожской Украины. Как раз в 1629 г. православное запорожское казачество, естественно, ориентировавшееся на Москву, вновь подняло восстание против поляков. Это обстоятельство подвело реальный фундамент под такой план. От общего истска — Бетлена Габора — эта идея достигла, с одной стороны, Густава-Адольфа через посла Страссбурга, с другой стороны — Михаила Фёдоровича и Филарета Никитича через посла Русселя. Густав-Адольф ещё в июле 1630 г. инструктировал губернатора Лифляндии Шютте, что следует по возможности разжигать восстание казаков против Польши¹⁰⁴. Руссель, повидимому, говорил об этом деле с константинопольским патриархом Кириллом, будучи в Турции, и затем подробно беседовал о запорожском вопросе во время первого посещения Москвы, как видно по сохранившимся отрывкам его письма к царю и патриарху, отправленного с дороги сразу же после отъезда, а именно из Выборга¹⁰⁵.

¹⁰³ Руссель, будучи второй раз в Москве, взял на себя перед И. Б. Черкасским какие-то обязательства диверсионного или разведывательного характера в отношении Смоленска. В июле и в октябре 1631 г. он сообщал через своего секретаря Вассермана, ездившего от него из Риги в Москву, что «умышленье, которое заведено под Смоленском городом», связанное с применением какой-либо тайной «лучевой снасти», приводится в исполнение, повидимому, с помощью двух доверенных лиц, посланных Русселем к смоленскому воеводе Гонсевскому под предлогом официального запроса от имени Швеции о якобы задержанных в Смоленске польских военнопленных. Руссель обещал сообщить царю при своём следующем посещении Москвы и о других задуманных им «неминуемых» средствах, «чтоб то место Смоленское вашему величеству отдать». Пока что в октябре Вассерман привёз точнейшие сведения об укреплениях и гарнизоне Смоленска, о настроениях населения в пользу перехода под власть Москвы, о советниках и личном окружении смоленского воеводы (ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 10, л. 3, 30, 34—40, 54—55).

¹⁰⁴ Wejle. Op. cit., s. 25.

¹⁰⁵ Он пишет, что Сигизмунд III уже 40 лет побуждает казаков к набегам на Турцию и надо, чтоб султан Мурад IV был поставлен в известность об этом. «Я ведаю, — продолжает он, — что ваше царское в-во гораздо ведаёт, что годно держать тоё запорож... оци не делали развее... патриарха Кирилла, да и мой, и общее б наше свидетельство привезли к вашему царскому в-ву. И по тому ваше царское в-во рассу-

В следующем письме, уже после посещения Густава-Адольфа, он снова особенно многозначительно пишет о запорожских казаках¹⁰⁶.

Тут же он стал готовить отправку двух своих доверенных лиц, л'Адмирала и де Грева, к запорожским казакам через Москву. Однако губернатор Лифляндии Шютте и, повидимому, Оксеншерна противились этому, хотя Руссель ссылался на инструкции Густава-Адольфа¹⁰⁷. Только в июле 1631 г., воспользовавшись отлучкой Шютте, он, наконец, отправил их, снабдив письмами к московскому царю, с просьбой о содействии их миссии, и к запорожским казакам — с призывом продолжать борьбу против Польши, предложением союза и уверениями, что задача Густава-Адольфа состоит в защите греческой веры от папистов¹⁰⁸. Московское правительство охотно оказало содействие этой миссии и предоставило в распоряжение л'Адмирала и де Грева пристава и переводчиков. Оно ведь само готово было поддержать борьбу запорожцев; по заслуживающему вниманию утверждению одной польской печатной листовки 1631 г., царь и патриарх в 1630 г., узнав о начале войны запорожских казаков против Польши, направили к ним послов и намеревались сами тотчас же выступить против Польши: уже воеводы царские, бояре и всё войско были приведены в готовность к наступлению на Витебск и Полоцк, к осаде Смоленска и даже Киева,— но в этот момент польскому правительству удалось успокоить казаков, и Москве пришлось отложить своё намерение¹⁰⁹. Этой же неблагоприятной политической ситуацией объясняется и полная неудача миссии л'Адмирала и де Грева: новый запорожский гетман Кулага выдал их польскому коронному гетману Конецпольскому, который препроводил их в Варшаву. Оттуда польский канцлер Задик отправил их к шведскому канцлеру Оксеншерне с протестом по поводу попыток пропаганды среди казаков в нарушение шведско-польского перемирия, и Оксеншерне пришлось долго оправдываться, ссылаясь на то, что Руссель превысил свои полномочия. В то же время сам Руссель печатно восхвалял эту миссию и даже опубликовал (в 1632 г.) своё послание к казакам.

Если думать, что Густав-Адольф всерьёз поставил перед Русселем задачу склонить умы поляков к его кандидатуре, то надо согласиться, что этим посольством к казакам Руссель окончательно испортил дело. Но в действительности Руссель добивался другого. Он старался практически связать казацкое восстание с Москвой и тем самым предпринять вопрос о переходе Запорожской Украины от Польши к Московскому государству. Абстрактное обещание передачи территории Запорожской Украины Москве после воцарения Густава-Адольфа в Польше звучало бы ненадёжно. Напротив, связавшись теперь же с казаками, Михаил Фёдорович принуждён был бы, отстаивая свой уже фактически достигнутый успех, немедленно начать войну с Польшей.

Теперь мы можем оценить замысел Густава-Адольфа и Русселя в целом. В письме к Михаилу Фёдоровичу от 7 октября 1631 г. Руссель совершенно недвусмысленно сформулировал альтернативу: «В конце концов польская земля попадёт государю моему королю (Густаву-Адольфу) в руки — либо насилу, либо по дружбе»¹¹⁰. Понятно, что во втором

дит, что не надобно им объявить никакой статьи про умышленье. И сверх того, если произволит ваше царское в-во, что б промышлять день и ночь, что б подтвердить войну запорожских казаков, и для того дела посулит им, то помогать будет надобно всякими мерами, что годно к тому, что б та война не перестала» (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 3, л. 28 и 21).

¹⁰⁶ Он обещает «писать про тайные дела, и те дела возвеселят ваше царское в-во, и годно будет, чтоб ваше ц. в-во безотступно наводил запорожских казаков, что б они...» (ЦГАДА. Дела шведские. 1611, стб. 5, л. 12).

¹⁰⁷ Wejle. Op. cit., s. 24—26. Переписку Русселя с Москвой по поводу присылки двух уполномоченных см. ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 5.

¹⁰⁸ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 9.

¹⁰⁹ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 10, л. 42—43.

¹¹⁰ Там же, л. 29.

случае Москва осталась бы не только не при чём, но и в крупном политическом проигрыше. Как Руссель теснил Москву этой угрозой, видно, например, из того, что в тот самый день, 22 июля 1631 г., когда он подписал инструкцию л'Адмиралу и де Греву, он подписал и приказ своему секретарю Вассерману сообщить в Москву об успехах своих сношений с польскими политическими лидерами — Гонсевским и особенно Львом Сапегой, который-де уже прислал в Ригу для переговоров о кандидатуре Густава-Адольфа уполномоченного, полковника Корфа¹¹¹. Но одновременно перед московским правительством раскрывали вторую возможность: получение Густавом-Адольфом Польши не «по дружбе», а «насилу», — если Москва согласится на военное выступление. В этом случае Густав-Адольф помог бы разгрому Польши нанесённым одновременно удара из Германии (правда, от имени и на средства царя) и уступил бы Московскому государству восточную часть Речи Посполитой¹¹².

Насколько страшилось московское правительство первой возможности, настолько охотно оно шло навстречу второй. Этот внешнеполитический курс отнюдь не был навязан ему Швецией. Напротив, по письмам Русселя нетрудно убедиться, что он, в сущности, лишь вложил в руки Густава-Адольфа то оружие, которое получил в Москве из рук Филарета Никитича. Он даже не сразу полностью раскрыл перед Густавом-Адольфом весь замысел. В том же письме с Вассерманом в июле 1631 г. Руссель пишет Филарету Никитичу, что собирается вскоре снова ехать к Густаву-Адольфу, «что б ему, королевскому в-ву, вкратце объяснить то дело, о чём я с вашим государским величеством говоривал». Оказывается, что русско-шведский военный союз против Речи Посполитой — это всего лишь программа-минимум, намеченная в Москве («ближнее дело» — «воинское соединение против общего недруга»), которая может быть проведена в жизнь даже и в том случае, если не осуществится некая программа-максимум — «вышнее дело»¹¹³.

Таким образом, согласие Москвы на все предложения Густава-Адольфа отнюдь не было вынужденным. Борьба шла лишь из-за срока выступления Москвы, — и в этом вопросе ничто не могло её поколебать, поскольку она твёрдо хотела дожидаться совместного выступления с Турцией.

Вынужденными были скорее, как это ни странно, претензии Густава-Адольфа на польскую корону. У него не было другого средства вызвать русско-польскую войну, как принять целиком план Русселя. Раз Густав-

¹¹¹ Которого, отмечает Руссель в письме, ты, святейший патриарх, «гораздо знаешь» (там же, л. 2, 7). И три месяца спустя, в следующем письме с Вассерманом, Руссель снова акцентирует успехи своих сношений с поляками и даже прилагает письмо Льва Сапегы (там же, л. 33).

¹¹² Оксеншерн не был посвящён в весь замысел полностью, но достаточно знал о нём, чтобы принимать участие в давлении на Москву по способу «кнута и пряника». Так, в одном из донесений Александра Лесли с дороги в Москву (начало июня) заключительная часть, как нетрудно убедиться из контекста, приписана или самим Оксеншерной или по его указанию: канцлеру шведскому стало точно известно, что польский король и сенаторы решили добиваться заключения с Швецией «векового мира», «да они ж на то положили: счастье своё со всею силою над русской землёю искати. А у его кор. в-ва (Густава-Адольфа) охоты к такому миру нету. А после того, как король шведский взял город Франкфурт, князья и сословия Силезской земли писали к королевскому величеству, что б он со своим войском шёл в Силезскую землю, а ворота все отворены будут». Выше в тексте донесения также отмечается, что в результате взятия Франкфурта н/О для Густава-Адольфа «силезская, мравская и чешская земля стала отворена», а польский король «ныне бессилен и царскому в-ву можно своему недругу отомстить» (ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 10, л. 195—199).

¹¹³ ЦГАДА. Дела шведские. 1630, стб. 10, л. 5. В настоящей статье мы не ставим перед собой задачу анализа движущих мотивов внешней политики Московского государства. Это отчасти сделано нами в цитированной статье, отчасти будет выполнено в другой связи.

Адольф нуждался, чтоб Польша была скована войной с Россией, волей-неволей пришлось, как мы убедились, и публично объявить о своём желании быть избранным сеймом на королевство и тайно согласиться на завоевание польской короны с помощью России. Занять польский престол надо было также и для того, чтоб он не достался после победы московскому царю: это был бы слишком опасный тыл. Так-то приобретение польской короны, которой Густав-Адольф вовсе и не желал, оказывалось вынужденным условием торжества над германским императором, к чему Густав-Адольф страстно стремился.

Целый год, с июня 1630 по июль 1631 г., Густав-Адольф не предпринимал крупных операций со своего плацдарма в Северо-Восточной Германии.

Чем объяснить это? Может быть, Ришелье, предвосхищая будущее, уже боялся соперника в борьбе за Рейн и тайне противодействовал шведскому наступлению? Так иногда думают, но письма Ришелье доказывают, что именно в конце 1630—начале 1631 г. он всеми средствами старался обрушить силы шведского короля на своего главного врага — императора. «Как только возможно, надо побуждать шведского короля, — пишет он инструкцию в январе 1631 г., — идти скорее атаковать австрийский дом в Богемии, Австрии и других наследственных землях»¹¹⁴. Как ни сложны отношения Густава-Адольфа с Ришелье, который пытался навязать этому пламенному защитнику протестантизма в Германии союз с немецкой католической лигой и с её вождём Максимилианом Баварским, во всяком случае, они ни в какой мере не пригодны для объяснения пассивности шведской армии в течение этого года.

Принятый в историографии взгляд сводится к тому, что Густав-Адольф, легко принудив последнего славянского герцога Померании, Богислава, к союзному договору и получив затем часть Мекленбурга, благодаря поддержке мекленбургских герцогов, выгнанных Валленштейном, не мог никуда двинуться дальше Померании и Мекленбурга просто из-за несогласия остальных немецких князей. Лишь два — три мелких территориальных князя и несколько городов, в том числе Магдебург, объявили себя на его стороне, но оба протестантских курфюрста, владения которых преграждали дорогу в глубь Германии — бранденбургский и саксонский — не хотели и слышать о союзе со шведским королём против императора. В конце февраля 1631 г. бранденбургский и саксонский курфюрсты созвали «лейпцигский конвент» протестантских князей и городов Германии, на котором было принято решение о вооружённом нейтралитете (с ориентацией на Данию), а союз с Швецией был отвергнут. Тщетно Густав-Адольф изошрял свои дипломатические способности: то он униженно заискивал перед своим зятем — бранденбургским курфюрстом Георгом-Вильгельмом, то придвигал войска к его границам и даже захватил Франкфурт на Одере. Георг-Вильгельм под давлением своего министра католика Шварценберга оставался непреклонным. Только когда имперско-католические войска во главе с Тилли и Паппенгеймом вторглись в его земли и стали грозить владению его дяди, городу Магдебургу, он согласился на ограниченную помощь Густава-Адольфа. После того как Магдебург был всё равно захвачен и чудовищно опустошён войсками Тилли (30 мая 1631 г.), Густаву-Адольфу предложено было покинуть Бранденбург, но, опираясь на общественное мнение, возмущённое бесчинствами Тилли, Густав-Адольф принудил бранденбургского курфюрста заключить со Швецией союз. Точно так же и саксонский курфюрст вскоре был вынужден неосторожной агрессивностью Тилли искать союза со Швецией: чтобы принудить курфюрста отказаться от нейтралитета, Тилли вторгся в Саксонию, и только тогда Иоанн-Георг, боясь разгула католической реакции в своих землях, отвернулся от импе-

¹¹⁴ Richelieu «Lettres et papiers d'état». T. IV, p. 251; ср. Weibull K. «Gustave Adolphe et Richelieu». «Revue historique». 1934. T. 174, № 2.

ратора и соединился с Густавом-Адольфом. Таким образом, ворота в Германию распахнулись. Вслед за Бранденбургом и Саксонией другие протестантские княжества стали отдаваться под защиту шведского короля. Уничтожив армию Тилли 7 сентября 1631 г. при Брейтенфельде (близ Лейпцига), Густав-Адольф почти беспрепятственно устремился в Западную и Южную Германию.

Так можно вкратце резюмировать многие томы, написанные на эту тему исследователями, преимущественно немецкими. Но нетрудно заметить однобокость и противоречивость этой немецкой концепции. Получается, что Густав-Адольф вовсе не был ни победителем, ни завоевателем в Германии. Не он сломил упорство обоих курфюрстов, а один неразумный Тилли. Инициатива всех событий исходила исключительно от немецких князей и немецких полководцев. Шведский король не вторгся в Германию, а только ждал, когда его туда впустят. Что это мнение не содержит в себе полной истины, становится очевидным от одного сопоставления: как же мог бы Густав-Адольф разгромить сильную армию Тилли, если он не мог оказать военного давления ни на Саксонию, имевшую весьма незначительную армию, ни на Бранденбург, почти вовсе не имевший армии?

Всё изложенное выше помогает правильнее понять поведение Густава-Адольфа в течение этого первого года войны. Мало сказать, что он ждал решения Москвы и всеми возможными средствами торопил это решение. Со своей обычной неистощимой энергией он в то же время искал других возможностей предохранить свой тыл от польской опасности. Приглядываясь к содержанию и тону его переговоров с Георгом-Вильгельмом бранденбургским¹¹⁵, мы видим, что Густав-Адольф определённо предназначал Бранденбургу роль заслона против Польши, когда шведская армия углубится в Германию¹¹⁶. Ясно, что при этом надо было искать дружбы бранденбургского курфюрста и скорее заискивать перед ним, чем действовать военной угрозой, ибо союзник, приобретённый силой, всегда оставался бы ненадёжным (как позже Саксония). Если дружба Бранденбурга (усиленного шведскими гарнизонами) нужна была Густаву-Адольфу для отпора Польше, то недружелюбие Бранденбурга в случае военного выступления Польши было бы равносильно катастрофе: неминуемо образовалась бы коалиция из Польши, Бранденбурга и Дании. Иными словами, мы можем утверждать, что политика Густава-Адольфа в отношении Бранденбурга должна быть поставлена в один ряд с целой серией других его, отмеченных выше, попыток и проектов решения польской проблемы: противопоставлением Польше Трансильвании, Крымского ханства, Турции и т. д. Бранденбургский проект оказался ничуть не реалистичнее, чем все остальные проекты, кроме русского. Неумный и трусливый Георг-Вильгельм бранденбургский держался за двяницу Иоанна-Георга саксонского, и оба тем больше хорохорились и упирались, чем вежливее и просительнее обращался к ним Густав-Адольф. Но как только Густав-Адольф перестал нуждаться в их союзе, получив известия о решениях Москвы, он так цыкнул сначала на одного, потом и на другого, что оба вдруг стали послушными и изменили свои «политические убеждения».

В самом деле, всё поведение Густава-Адольфа в Германии в течение этого года выступит в новом свете, когда мы сопоставим его с постепенным поступлением сведений из Москвы. Густав-Адольф не всё время остаётся в бездействии, ограничиваясь маневрированием и стычками: несколько раз он как будто уже бросается на врага, вдохновение боя уже

¹¹⁵ Ср. Helbing K. G. «Gustav Adolf und die Kurfürsten von Sachsen und Brandenburg 1630—1632». 1854.

¹¹⁶ Это отражено даже в донесении Александра Лесли в Москву, в котором дан ценный обзор померанской кампании Густава-Адольфа и его отношений с Бранденбургом (ЦГАДА. Дела шведские, 1630, стб. 10, л. 172---175).

овладевает им, но осторожность берёт верх, и он снова и снова осаживает, как боевого коня, свою лучшую в Европе армию. Так, в январе 1631 г. он ринулся в Мекленбург, разбил у Грейфенхагена и Гарца два отряда императорской армии и остановился; в апреле 1631 г. обрушился на Франкфурт, перешёл через Одер.—и снова замер; в начале июня осадил Берлин, принудил курфюрста Георга-Вильгельма к союзу,—но не воспользовался открывшимся проходом на запад; в конце июня — начале июля бросился на Тилли, нанёс его армии несколько жестоких ударов,—а потом сам же дал ему уйти. И только 7 сентября 1631 г. пошёл прямо на основные силы Тилли под Лейпцигом, буквально стёр их с лица земли и, уже не останавливаясь, начал свой головокружительный марш по Германии. Каждому из этих военных порывов Густава-Адольфа предшествовало получение одного из основных московских известий. Не служило ли психологически каждое сообщение из Москвы электрическим зарядом, побуждавшим Густава-Адольфа к действию? Разумеется, для объяснения его поведения в Померании следует учитывать всю сумму факторов и всю международную обстановку, в частности сложную политическую ситуацию Германии¹¹⁷. Свести всё к одному польскому фактору — значило бы власть в односторонность. Но для исправления обратной односторонности исследователь вправе и даже обязан уделить преимущественное внимание именно этому, игнорировавшемуся прежде, фактору и проверить, в какой мере с его помощью можно объяснить действия Густава-Адольфа.

Выше мы отметили, что в конце декабря 1630 г. Иоганн Мёллер первый привёз Густаву-Адольфу прямо из Москвы и непосредственно от русского правительства известие о военных намерениях и приготовлениях Московского государства. После нескольких месяцев томления в Померании это известие, прояснившее международные горизонты, не могло не воодушевить Густава-Адольфа. Оно, естественно, вдохновило его на наступление в Мекленбурге. Но оно было всё же недостаточно для генеральной кампании в Германии, хотя бы уже по одному тому, что не носило характера официального письменного уведомления; к тому же оно не полностью отвечало новому плану русско-шведского сотрудничества, разработанному в ноябре с Русселем. Густав-Адольф, как мы видели, три недели инструктировал Мёллера в духе этого нового плана и отправил его обратно в Россию.

В начале марта (по западноевропейскому исчислению) русские послы Племянников и Аристов вместе с Александром Лесли прибыли в Стокгольм. Хотя из-за климатических условий их не могли с должной пышностью перевезти морем в Германию до мая месяца¹¹⁸, запрос о пропуске послов и объяснение задач посольства были тотчас отправлены шведским правительством к Густаву-Адольфу. Он получил это сообщение не позже двадцатых чисел марта. И вот уже в конце марта он радостно устремляется на Кольберг, а 3 апреля берёт Франкфурт на Одере. Но, разумеется, с его стороны было бы безумием развёртывать дальше наступление до непосредственных переговоров с русскими послами. И он возвращается к томительному ожиданию и, на всякий случай, дипломатничанию с бранденбургским курфюрстом¹¹⁹.

Этот последний, видя, что Густав-Адольф не наступает и не угрожает, и полагая, что это симптом слабости, в начале мая, по подстрекательству Саксонии, предъявил Густаву-Адольфу высокомерное требова-

¹¹⁷ См. Helbing. Op. cit; Voëthius S. B. «Svenskarne i de nedersachsiska och westfaliska kustländerna juli 1630 — november 1632. Till lelysning af Gustav II Adolfs tyska politik». 1912.

¹¹⁸ Ср. протоколы рейхсрата от 11 февраля, 26 марта, 16 апреля, 5 и 7 мая 1631 года. Svenska riksrådets protokoll, bd. II, s. 58, 72—73, 79, 84, 86.

¹¹⁹ Наиболее подробный обзор военных действий и дипломатии Густава-Адольфа за этот период дан у Cronholm «Gustav II Adolf in Deutschland». Bd. I. Buch 2 и в «Sveriges krig 1611—1632». Bd. IV, s. 107—164.

ние: немедленно очистить занятую шведами бранденбургскую крепость Шпандау. Спор продолжался месяц, и 7 июня Густав-Адольф пережил один из неприятнейших дней: он принуждён был уступить и вывел из Шпандау шведский гарнизон. Дальше произошло нечто необычайное, чего до сих пор не могут толком объяснить военные историки. Через два дня Густав-Адольф появился с армией под стенами Берлина, навёл на дворец курфюрста артиллерию, объявил недействительными все прежние соглашения и заставил обезумевшего от страха Георга-Вильгельма 11 июня подписать договор о предоставлении своих крепостей и военных субсидий шведам на всё время войны¹²⁰. Думают, что Густава-Адольфа вывело из себя подоспевшее известие о происшедшем 30 мая разгроме Магдебурга. А дело объясняется проще: 1 июня в Штеттин к королевскому двору прибыли, наконец, русские послы. Сначала они думали ехать дальше «в полжи» к королю, потом им было предложено подождать его скорого прибытия, а гонец с извещением о посольстве выехал на встречу королю. Он, повидимому, встретил Густава-Адольфа сразу после эвакуации Шпандау. Не медля ни минуты, Густав-Адольф изменил все свои намерения и повернул войско на Берлин, а гонца отправил обратно в Штеттин с извинением, что он «для великих дел» воротился с дороги к своему войску, а в Штеттин ко двору приедет несколько позже, чем предполагалось¹²¹.

14 июня Густав-Адольф, успев закончить «великие дела», уже был в Штеттине и с необычайной торжественностью принял Племянникова и Аристова. Газеты подробно описывали пышность посольства и дружественность аудиенции, высказывали догадки и передавали слухи по поводу содержания переговоров и назначения вербовки войск, проводимой Лесли (одна из этих газет была доставлена через Мёллера в Москву). Некоторые утверждали, что московский царь предложил Густаву-Адольфу свою помощь против императора, другие, — что Густав-Адольф обещал свою помощь царю против польского короля. Официальное шведское сообщение гласило, — несомненно, с целью дезориентировать Польшу, — что царь хочет прислать Густаву-Адольфу войска и денег. Насколько многообразна была информация, видно по тому, что все упомянутые выше авторы-современники — Бурж и Абелин, Хемниц и Пуфендорф — описывают и трактуют московское посольство совершенно по-разному, опираясь, видимо, на разные источники¹²².

Письменный ответ Густава-Адольфа Михаилу Фёдоровичу от 21 июня 1631 г., вручённый послам, показывает, с каким нескрываемым удовлетворением было принято обещание московского правительства начать войну с Польшей «на весну». Густав-Адольф готов советом и делом поддержать царя; он снова побуждает его «остерегаться» польско-габсбургских католических замыслов¹²³ и изъявляет готовность всеми средствами помочь в найме и транспортировке солдат, приглашении опытных офицеров, закупке вооружения и снаряжения, входя тут же во все детали этих вопросов. В особом приложении Густав-Адольф «бьёт челом» за «великую дружбу» — разрешение закупать русский хлеб, и просит оказывать и дальнейшую помощь, которую он тем более ценит, «что ваше ц. в-во

¹²⁰ «Sveriges krig 1611—1632», bd. IV, s. 316—337.

¹²¹ См. перевод вестей из немецкой газеты от 19 июня 1631 г. ЦГАДА. Дела шведские, стб. 8, л. 148. Ср. статеинный список посольства, там же, стб. 4, л. 172—193.

¹²² Burgo. Op. cit., p. 137; Arlanibaes. Op. cit., p. 162—163; Theatrum Europaeum. Bd. II, S. 413; Chemnitz. Op. cit. Th. I, S. 173; Pufendorf. lib. III. § 18, p. 47. Последний трактует смысл переговоров наиболее глубоко: Густаву-Адольфу «желательно было разжечь войну между поляками и русскими, которая на всё время послужила бы ему как бы мерой предосторожности против и тех и других» (ibid.).

¹²³ «Нашему королевскому в-ву то сполна ведомо злое умышление несаря и папы, как бы им через Польшу великое государство и землю вашего царского в-ва потеснить и победить и старую греческую веру попрасть и известь и на то место свою злую неправедную папешскую веру и идолство (язычество) ввести» (ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 4, л. 132—133).

хочет начать войну и то дело (вам самому) надобное»¹²⁴. И немедленно по подписании этих документов Густав-Адольф выезжает из Штеттина к армии и устремляется на войска Тилли¹²⁵.

Но мог ли он не удержать своего порыва и на этот раз? Ведь Племянников и Аристов не привезли ему никакого ответа на план удара по Польше с двух сторон, они даже, как и Лесли, ничего не знали об этом плане. В этом смысле их приезд принёс Густаву-Адольфу известное разочарование или, по крайней мере, потребовал от него нового запаса терпения. А он-то приготовился к выполнению своих обещаний ещё в начале апреля: тотчас по взятии Франкфурта на Одере он отправил своего лучшего генерала, Густава Горна, с несколькими тысячами солдат (пехоты и конницы) в Силезию, к польской границе. В июле Горн был отозван из Силезии, зато Александр Лесли, возведённый в звание генерал-майора, был назначен командующим группировкой войск во Франкфурте на Одере и у силезской границы¹²⁶.

Нет никакого сомнения в том, что Густав-Адольф предназначил именно эту группировку для вторжения в Польшу через Силезию (с базой во Франкфурте), когда выступит Москва и когда основные шведские силы будут находиться уже далеко в Германии¹²⁷.

Мы уже знаем из предыдущего, когда именно Густав-Адольф получил, наконец, и известия о принципиальном согласии Москвы на его военный план. Первое известие пришло в конце июля или начале августа — донесение Русселя о поездке в Москву, пересланное через Оксеншерну. Но это была неофициальная информация. Официальный ответ через Моньера и почти одновременно через Мёллера был получен Густавом-Адольфом в самом конце августа, как видно по его письму к Оксеншерне от 29 августа¹²⁸. На этот раз вся накопленная за год и с трудом сдерживаемая энергия разразилась с огромной силой. Густав-Адольф стремительно снялся с лагеря в Вербене, где только что успел заключить союзный договор с ландграфом Вильгельмом Гессенским, и ринулся в Саксонию. Курфюрст Иоанн-Георг, смертельно перепуганный, без малейших возражений отдал ему своё войско и свою страну, найдя благовидный предлог в «обидах» со стороны Тилли, а сам бежал от армии в далёкий Эйленбург заливать испуг вином. И уже 7 сентября Густав-Адольф выиграл свою первую великую битву в Германии — Брейтенфельдскую¹²⁹. Не задерживаясь после того ни на минуту, он с невероятной быстротой двинулся через Тюрингию и Франконию на Рейн и далее, в Баварию, а саксонскую армию направил в охватывающий марш через Моравию и Чехию.

Но и накануне и после Брейтенфельдской битвы мысли Густава-Адольфа снова и снова не без тревоги обращались к далёкой России. Всего лишь за неделю до сражения он пишет новую инструкцию Моньеру, уточняя свой проект согласно запросам московского правительства. 30 августа «в великих полках» подписана и грамота Густава-Адольфа к Михаилу Фёдоровичу с обещанием любых услуг и рекомендацией на

¹²⁴ ЦГАДА. Дела шведские. 1631, стб. 4, л. 127—142. Эти ответные грамоты доставлены в Москву 3 ноября 1631 г. Аристовым. Племянников заболел в Штеттине и умер там в июле 1631 года.

¹²⁵ «Sveriges krig 1611—1632», bd. IV, s. 368—397.

¹²⁶ Chemnitz. Op. cit. Th. I, S. 192; cp. ibidem, S. 228 (§ 41 — Acta des General-Major Leslé am Oderstrom).

¹²⁷ Как и выше (см. стр. 62), мы оставляем здесь открытым вопрос, тот ли это Александр Лесли командовал силезской группировкой летом и осенью 1631 г., который в те же месяцы руководил вербовкой и отправкой полков для Москвы. В конце 1631 г. Александр Лесли выехал в Англию, где сверх плана получил для Москвы полк полковника Саидерсона, а в январе 1632 г. был уже снова в Москве.

¹²⁸ Wejle. Op. cit., s. 10. По словам авторов «Sveriges krig 1611—1632», «ещё яснее выступили дружественные отношения (с Россией), когда Моннер вернулся в августе из Москвы» (Bd. V, s. 230).

¹²⁹ «Sveriges krig 1611—1632», bd. IV, s. 428—523.

царскую службу нового доверенного лица — Гилиуса¹³⁰. А сразу после Брейтенфельдской победы он с чрезвычайной поспешностью отправляет в Москву специального гонца, который должен был через Мёллера не только передать радостное известие, но и заверить, что Густав-Адольф уже направил одного из своих генералов в Силезию для подготовки вторжения в Польшу.

Анализ этих новых демаршей, как и причин отсрочки русского выступления до 1632 г., выходит за рамки настоящей статьи.

Здесь же, забегая вперёд, достаточно указать на финал всей эпопеи, служащий как бы фактической проверкой изложенного нами мнения о решающем значении польской проблемы и в связи с этим русско-польской борьбы для судьбы шведского похода в Германию.

После смерти Густава-Адольфа в 1632 г., канцлер Оксеншерн не смог и не захотел с такой же энергией способствовать развитию войны России с Польшей. Двусмысленность его политики была одной из причин, побудивших Московское государство прервать Смоленскую войну с Польшей и заключить с ней в июне 1634 г. Полянский мир. Катастрофическое значение этого события для Швеции не замедлило сказаться: цепь поражений шведской армии в Германии, начинающаяся с Нёрдлингена, объясняется не гением Валленштейна, не «немецким чудом» и не изменой военного счастья, а тем, что именно в момент наибольшего напряжения борьбы в Германии, во второй половине 1634 — первой половине 1635 г., Швеция принуждена была сосредоточить часть своих войск на польской границе. Освободившись от войны с Россией, а затем и с Турцией, Владислав IV уже в 1634 г. готовился в союзе с Данией к возобновлению войны против Швеции. Общеизвестно, что Швеция проиграла в 1634—1635 гг. войну в Германии из-за недостатка резервов. Но резервы-то у неё в это время были, только они находились частью в Швеции, скованные эвентуальной польской войной, частью в Лифляндии и Пруссии, т. е. у польской границы, частью, наконец, у русской границы. Не только нельзя было ничего подбросить на германский театр войны, но несколько полков пришлось даже снять с него и отправить на границу Польши.

Таким образом, фиаско шведского похода в Германию было прямым следствием прекращения Смоленской войны. Шведов спас Ришелье: в июне 1635 г. Франция открыто вступила в Тридцатилетнюю войну и отвлекла на себя основные силы императора. Это дало возможность Швеции сосредоточить свои главные силы против Польши, принудить Польшу к мирному договору в Струмздорфе и уже после того вернуться к активной войне в Германии.

¹³⁰ ЦГАДА. Дела шведские. 1631. стб, 8, л. 233—234.